

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ ЛЕКСИКА
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
БЕЛГОРОДСКИХ АВТОРОВ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
очной формы обучения, группы 02031710
Плотниковой Юлии Вячеславовны

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Кошарная Светлана Алексеевна

Рецензент –
обозреватель отдела новостей
сетевого издания Fonar.tv
Шкреба Олеся Александровна

БЕЛГОРОД 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ СЛОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕГИОНА.....	7
1.1. Специфика поэтического словотворчества.....	7
1.2. Индивидуально-авторские слова в системе регионально маркированных языковых средств	17
1.3. Изучение индивидуально-авторских новообразований на факультативных занятиях по русской словесности в школе.....	29
Глава II. СЛОВОТВОРЧЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ БЕЛГОРОДЧИНЫ.....	39
2.1. Словотворчество В. Молчанова	39
2.2. Словотворчество Т. Огурцовой	49
2.3. Словотворчество Н. Дроздовой	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
Список использованной литературы	71
Словари	79
Источники	81

ВВЕДЕНИЕ

Основным элементом художественного текста является слово, следовательно, первостепенной задачей при создании произведения является выбор или конструирование автором единственно необходимого слова, способного наиболее точно, глубоко и ярко выразить его мысль.

Созданные автором слова – это результат его лингвокреативной деятельности, направленной на создание ярких словесных образов. Индивидуально-авторские слова являются важной составляющей художественного текста, так как несут, как правило, большую идейно-смысловую нагрузку и обладают особым изобразительно-выразительным потенциалом. Это обуславливает актуальность фиксации и изучения индивидуально-авторских новообразований, которые определяют особенности идиостиля автора и его идейно-художественных установок. Лексические новообразования отражают стремление поэтов к созданию ярких языковых образов, которые наиболее полно отражают авторскую поэтическую картину мира.

*Индивидуально-авторские новообразования в данной работе определяются как созданные автором с определённой художественной целью слова, отсутствующие в языковой традиции. В качестве синонимичных данному термину используются термины *авторские слова* и *лексические новообразования*.*

Актуальность настоящей работы определяется возросшим интересом лингвистов к проблемам новых слов. Это связано с непрерывным процессом словопроизводства, который отмечается в последние десятилетия. Активное создание новых слов в художественной литературе, в языке масс-медиа и живой разговорной речи обуславливают необходимость исследования новых языковых явлений и требуют их разноаспектного описания. При этом особое внимание уделяется поэтическим текстам, так как созданные поэтом слова являются одним из основных средств выражения образного представления

человека об окружающей действительности, свидетельствуют об индивидуальном использовании языковых средств, репрезентирующих особенности авторского миропонимания.

В этом отношении благодатной почвой для подобного рода исследований можно считать поэтические тексты современных белгородских поэтов: В. Молчанова, Т. Огурцовой, Н. Дроздовой, Л. Ясновой, В. Кичигиной, В. Харченко, И. Чернухина, А. Филатова, В. Черкесова и др. Из произведений белгородских авторов методом сплошной выборки было извлечено более 350 лексических новообразований.

Объектом исследования в данной работе являются индивидуально-авторские слова, отмеченные в произведениях современных поэтов Белгородчины.

Предмет исследования составляют словообразовательные, семантические и функционально-прагматические особенности лексических новообразований белгородских авторов.

Цель исследования состоит в проведении комплексного анализа авторских слов, выявлении их лингвокреативной роли и текстообразующего потенциала по репрезентации поэтической картины мира Белгородчины. Данная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

- определить специфику поэтического словотворчества;
- представить лексические новообразования в системе регионально-маркированных языковых средств;
- выявить особенности словотворчества отдельных белгородских авторов (В. Молчанова, Т. Огурцовой, Н. Дроздовой) и роль индивидуально-авторских слов как компонентов их идиостиля;
- обосновать необходимость изучения авторских слов на занятиях по русской словесности в школе.

Теоретическую базу исследования составили работы:

- по лингвистике и семиотике художественного текста (Н.Ф. Алефиренко, М.М. Бахтин, Г.О. Винокур, В.П. Григорьев,

М.Л. Гаспаров, И.И. Ковтунова, С.А. Кошарная, Ю.М. Лотман, О.Г. Ревзина, М.Н. Эпштейн, И.И. Чумак-Жунь, Р.О. Якобсон Л.П. Якубинский и др.);

- по словообразованию и неологии русского языка (Т.Н. Буцева, Е.А. Земская, В.П. Изотов, Л.Ю. Касьянова, В.В. Лопатин, Л.Г. Лыков, Р.Ю. Намитокова, Л.И. Плотникова, Т.В. Попова, Е.В. Сенько, И.С. Улуханов, Н.И. Фельдман и др.).

Авторские слова как компонент идиостиля составляли в разное время объект исследования в работах Г.О. Винокура, О.А. Головачёвой, Л.В. Зубовой, Т.Н. Коршуновой, И.Р. Красниковой, Д.О. Морозова, М.Ю. Нарынской, Ж.Е. Тимашовой, М.В. Титовой, Л.Н. Фоминой, Д.В. Халявиной и др. Однако лексические новообразования, созданные белгородскими поэтами, до настоящего времени не являлись объектом разноаспектного исследования и не получили своего детального изучения. **Актуальность** исследования связана с назревшей необходимостью изучения специфики словотворчества поэтов Белогорья и роли авторских слов в формировании поэтического дискурса региона.

Материалом настоящего исследования послужила картотека лексических новообразований, извлеченных методом сплошной выборки из поэтических текстов белгородских авторов. Собранный языковой материал был проверен по толковым словарям русского языка, включая словари неологической лексики.

Специфика предмета исследования и конкретные задачи обусловили использование в работе основных **методов и приёмов** лингвистического исследования:

- *метода системного научного описания*, предполагающего приёмы разноаспектной систематизации ИАН согласно задачам исследования; приёмы наблюдения, сопоставления и теоретической интерпретации результатов анализа нового языкового материала; количественный приём, позволяющий выявить определенные тенденции процесса словотворчества;

- *метода моделирования* процессов создания новых слов на основе реконструкции определенных словообразовательных актов;

- *метода контекстуального анализа*, позволяющего выявить роль авторских слов в формировании национальной художественной картины мира.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе представлено комплексное описание индивидуально-авторских новообразований белгородских авторов с учетом структурных, семантических и функционально-прагматических подходов; представлена классификация авторских слов в соответствии с их частеречной принадлежностью, способами словообразования, типами деривационных формантов и значений; определены окказиональные способы создания новых слов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем продолжена разработка вопросов, связанных с проблемами словотворчества, идиолекта, индивидуального поэтического мира. В диссертации выявляются особенности словотворчества в региональном поэтическом дискурсе и как составляющей идиостиля одного автора.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения его результатов в практике школьного преподавания при изучении словообразования, неологии и особенностей словотворчества поэтов Белгородчины.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования излагались автором на научных конференциях различного уровня, в том числе на **Международных научных конференциях**: Международной научно-практической конференции «Русский мир и русское слово в межкультурном пространстве» – Турция, Стамбул, 25-27 мая 2011 г.; Международной научно-практической конференции «Совершенствование методологии познания в целях развития науки» – Стерлитамак, 30 июня 2017 г.; Международной научной конференции «Современные достижения и

новые направления филологии» – Белгород, 12-13 февраля 2018 г.; 4-ой Международной научной конференции «Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры» – Белгород, 26-27 марта 2019 г.; XI Международном молодёжном форуме «Белгородский диалог – 2019: проблемы истории и филологии» – Белгород, 17-19 апреля 2019 г.; VII Международной научно-практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире». – Калининград, 30 мая – 1 июня 2019 г.; **Всероссийских научных конференциях:** Всероссийской научно-практической конференции «Ресурсы региона: экологический аспект науки, культуры, образования» – Славянск-на-Кубани, 15-17 сентября 2017 г.; III Всероссийской научной конференции «Карамзинские чтения». – Белгород, 13-14 декабря 2018 г.

По теме исследования опубликовано 8 научных работ, в том числе 1 статья в журнале, рекомендованном ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Глава I. ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ СЛОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕГИОНА

1.1. Специфика поэтического словотворчества

Поэтическим языком принято называть «язык поэтических (стихотворных) и прозаических литературных произведений, систему средств художественного мышления и эстетического освоения действительности» [Русский язык. Энциклопедия 1998: 356]. В его состав входит система организованных поэтехнических средств, которые составляют основу поэтического текста. При этом важно учитывать, что любое поэтическое произведение – это прежде всего акт познания, который отражает особое мировидение автора, его постижение явлений окружающего или внутреннего мира.

Описывая специфику поэтического языка, Г.О. Винокур отмечал, что «под поэтическим языком можно понимать прежде всего язык, употребляемый в поэтических произведениях. В этом случае имеется в виду не какое-нибудь внутреннее качество языка, не какая-нибудь особая его функция, в сравнении с его функцией как средства обычного социального общения, а только особая традиция языкового употребления. Поэтический язык в этом смысле представляет собой особый стиль речи в ряду других: языка официального, научного, дипломатического, военного и т.д.» [Винокур 1991: 25]. При этом Г.О. Винокур обращал особое внимание на то, что «язык, употребляемый в поэтических произведениях, может представляться связанным с поэзией не одной только внешней традицией словоупотребления, но и внутренними своими качествами, как язык, действительно соответствующий изображаемому поэтическому миру, выражаемому поэтическому настроению. В этом случае язык поэзии понимается нами как язык сам по себе поэтичный и речь уже идет о поэтичности как особом экспрессивном качестве языка» [Винокур 1991: 25].

Говоря об особой роли отдельного слова в поэтическом тексте, А.А. Потебня подчёркивал, что слово можно рассматривать как особым образом организованное художественное произведение, как особую поэтическую конструкцию малой формы. По его мнению, выбор или создание авторского слова можно толковать как своеобразный акт словесного творчества, который отражает представления автора об окружающем мире [Потебня 1976: 89].

Данная мысль нашла развитие в работах М.М. Бахтина, который справедливо считал, что «язык приобретает поэтические свойства лишь в конкретной поэтической конструкции. Эти свойства принадлежат не языку в его лингвистическом качестве, а именно конструкции, какова бы она ни была. Элементарнейшее жизненное высказывание, удачное жизненное словцо может быть при известных условиях художественно воспринято. Даже отдельное слово можно воспринять как некоторое поэтическое высказывание, конечно, при определенных условиях, относя его к определенному фону, восполняя его теми или иными моментами» [Бахтин 1993: 89]. Именно поэтическое слово «позволяет называть отдельные образные признаки, лежащие за пределами языка и языкового сознания. Эти признаки, составляя основу метафорических переносов, выступают единицами особого кода, внеположного лексическим значениям, <...> они недоступны рациональным методам постижения, требуют от читателя сопереживания поэту, вчувствования в текст, озарения» [Маслова 2006: 20].

Языковая специфика поэтических текстов составляла объект исследования многих учёных, среди которых, в первую очередь, необходимо назвать В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, М.Л. Гаспарова, В.П. Григорьева, Ю.М. Лотмана, Б.В. Томашевского, Б. Эйхенбаума и др. Несмотря на различные подходы и аспекты исследования, в работах перечисленных учёных обращается внимание на то, что слово в поэтическом тексте не является чисто логическим знаком. Оно характеризуется разнообразием смысловых оттенков,

изобразительно-выразительным потенциалом, что, в свою очередь, обуславливает воздействующую функцию, привлекает внимание читателя.

Говоря о сущностных свойствах поэтического языка, необходимо иметь ввиду, что он в первую очередь тесно связан с литературным языком, который можно считать его нормативной основой. Более того, поэтический язык непосредственно связан и с общенациональным языком, который является для него богатым источником разнообразных выразительных средств.

Я. Славинский, известный польский исследователь, в работе «К теории поэтического языка» отмечает, что «слово в поэтическом тексте живет сложной жизнью, определяемой и данным контекстом, и всем обликом слова, сложившимся в различных ситуациях общения: на фоне словесного контекста произведения и на фоне бытового употребления, употребления в познавательных и императивных формулах, а также в других художественных текстах. Участвуя в жизни нового поэтического сообщения, слово тянет за собой все свое прошлое, свою роль и обычаи, связанные с принадлежностью к данной языковой системе и определенным сферам социального функционирования. В слове, использованном поэтически, пересекаются обе эти стороны его существования. Слово осмыслено одновременно в нескольких разных областях. На этом основана его принципиальная многозначность, его специфическая омонимичность» [Славинский 1975: 270].

В продолжение данной мысли отметим, что В.П. Григорьев в работе «Поэтика слова» при определении поэтического языка в первую очередь обращает внимание на лингвокреативный аспект и характеризует его как «язык с установкой на творчество, а поскольку всякое творчество подлежит и эстетической оценке, это язык с установкой на эстетически значимое творчество» [Григорьев 1979: 5].

Приведённые положения позволяют говорить о том, что существует различие между обычным (практическим) языком, выполняющим в первую

очередь коммуникативную функцию, и поэтическим языком, для которого главенствующей является эстетическая функция, обусловленная необходимостью создания ярких языковых образов, наиболее полно отражающих поэтическую картину мира того или иного автора.

Специфика поэтического языка определяется тем, что в нем наделяются особым смыслом любые языковые структуры: фонетические, словообразовательные, грамматические, ритмические. Они становятся своеобразной основой для создания новых эстетически значимых языковых явлений. Это позволяет говорить о поэтическом языке как «вторичной моделирующей системе» (Ю.М. Лотман), в которой знак сам моделирует свое содержание.

Поэтический дискурс является отражением образного понимания мира. Анализируя специфику отдельного слова в художественном тексте, В.В. Виноградов обращал внимание на то, что оно обрастает смысловыми наслоениями, в результате чего его смысловое наполнение становится двуплановым, образным, так как одной гранью оно обращено к реальной действительности, а другой – к действительности вымышленной, созданной автором в художественном тексте. При этом любое слово под пером мастера может стать ярким изобразительным средством. По этому поводу В.В. Виноградов писал, что «нет слов и языковых форм, которые не могут стать материалом для образа» [Виноградов 1963: 119].

Поэтический текст можно рассматривать как особую замкнутую систему взаимосвязанных элементов: интонации, ритмического строя, звукового образа, грамматических форм, синтаксических построений. Причём каждый из них в свою очередь испытывает влияние этой системы, в результате слово наполняется новым смыслом, выступает в своём новом качестве. Поэтическое произведение отличается особыми правилами организации материала, которая заключается в своеобразных соединениях слов в пределах отдельных строк и строф.

Об этом в своё время писал Л.Я. Гинзбург: «Смысл каждого отдельного слова как бы растворяется в своем окружении, рождая при этом новые, неожиданные смыслы. *«Емкость смысла»* поэтического текста увеличивается за счет ассоциативных связей слова, весьма специфических для каждого читателя, что в какой-то мере объясняет феномен множественности пониманий и интерпретаций такого текста. Все это создает особый язык поэтических формул, которые специфичны для каждого исторического времени» и благодаря которым устанавливается «молниеносный контакт с читателем» [Гинзбург 1997: 13-14].

Необходимо учитывать, что поэтический текст совмещает в своих пределах элементы традиционные и новаторские. Традиционные средства являются его основой, они унаследованы от прошлых эпох языкового развития, являются свидетельством органической связи с историческим прошлым литературного языка. Новаторские элементы обусловлены индивидуальным мировосприятием и особенностями его языковой репрезентации, в первую очередь это связано со словесным творчеством.

Факты поэтического словотворчества всегда индивидуальны. Автор с определённой художественной целью может создавать новое слово, не зафиксированное в толковых словарях русского языка и потому не известное рядовому носителю языка. При этом чаще всего за основу берутся продуктивные словообразовательные модели. Однако в отдельных случаях создаётся необычное, «дикуинное» (А.Г. Лыков) слово, нарушающее существующие словообразовательные правила. Подобного рода слова в большей степени способны представлять особенности субъективного представления автора об окружающем мире. В современной лингвистике они получили название окказионализмов, или окказиональных слов.

Создание окказионализмов, как уже отмечалось, связано с нарушением законов словопроизводства, действующих в языке. В настоящее время нет однозначного решения вопроса о том, следует ли считать окказиональное

слово неологизмом. Нам представляется, что окказиональное слово и неологизм – это разные понятия.

Неологизм, по определению А.Г. Лыкова, – это «новое слово языка, слово в начальной стадии своей исторической языковой жизни. *Новым* может быть только то, что способно с течением времени «стареть» – утрачивать качество новизны. Иначе говоря, новым может быть только то, что включено в фактор временной протяженности своего существования, в фактор исторического (в широком смысле слова) развития и изменения. Это в полной мере относится как к языку в целом – исторически изменяющемуся явлению, так и к обычным (каноническим) словам – лексическим единицам языка» [Лыков 1972: 85]. Таким образом, необходимо однозначно признать, что неологизм – это *факт языка*.

Окказиональное слово нельзя назвать неологизмом в силу того, что оно не способно устаревать. Таким образом, окказионализм – это чисто *речевая*, одноразовая лексическая единица, лишенная воспроизводимости, а значит, и исторической протяженности своего существования. Окказионализмы создаются автором намеренно, с определённой художественной целью, они, как правило, «привязаны» к определенному контексту, их значение выводится благодаря этому контексту, в рамках которого они навсегда и остаются, сохраняя авторскую принадлежность. Данные положения свидетельствуют о том, что, в отличие от неологизмов, окказиональные слова – это *факты речи*, они наиболее экспрессивны, необычны и неожиданны, являются особым средством выражения образного представления поэта об окружающем мире.

По свидетельству О.Г. Ревзиной, «на протяжении XIX – XX вв. мы наблюдаем впечатляющую картину расцвета техники окказионализма в поэтическом дискурсе. Обращение к окказионализму, конечно, зависит от эпохи – от состояния общенационального языка и художественных направлений, равно как и от конкретного поэта» [Ревзина 1996: 303]. Так, начало XX века было особым этапом в развитии поэзии. В этот период отмечалось

активное и сознательное словотворчество. Своеобразным лозунгом этого времени можно считать требование обновления поэтического слова. По справедливому замечанию О.И. Александровой, в стране «не было... ни одной из многочисленных школ и группировок, которая не провозгласила бы этого лозунга с той или иной степенью запальчивости и непримиримости» [Александрова 1974: 42]. Однако необходимо учитывать, что «принадлежность к разным направлениям свидетельствует о разнообразии творческих установок в работе над новым словом. Следовательно, историю поэзии можно рассматривать как историю различного отношения к слову, и к новому слову в частности» [Плотникова 2004: 28]. Так, словесное творчество таких поэтов, как В. Хлебников, И. Северянин, В. Маяковский, чей поэтический язык насчитывает тысячи единиц индивидуально-авторского происхождения, позволяет «представить на конкретных примерах различие их творческих установок на создание индивидуально-авторских слов и выявить функциональную нагрузку новообразований в поэтических текстах» [Плотникова 2004: 28].

Исследование поэтического текста сквозь призму словотворчества позволяет говорить о том, что наиболее сознательно к «обновлению» языка поэзии стремились в первую очередь футуристы и символисты. Символисты, например, создали свою систему поэтизмов, представленную «набором стандартизованных в поэтическом творчестве данного периода слов и оборотов» [Виноградов 1959: 652]. Характерно, что для символистов поэтическое слово являлось «материализацией символа, а символ – воплощением философской мистической идеи в художественном образе... Новые слова-символы создавались по стандартным семантическим (смысловым) моделям от сравнительно узкого круга слов – образных представителей той или иной идеи» [Александрова 1974: 43].

Однако поистине экспериментаторской и глобальной работой в области словотворчества необходимо признать словесное творчество футуристов. В специально разработанной программе признавалось право поэта на

«словоновшество», на увеличение объёма словаря за счёт производных и произвольных слов. Отметим, что слово «окказионализм» в то время не употреблялось. Новые слова, созданные в поэзии на основе уже существующих слов, В. Хлебников назвал «самовитыми словами». Однако ранее поэт обозначил сконструированное автором слово как средоточие трёх аспектов: *Слово – пальцы / слово – лён / слово – ткань*. Это триединство обусловлено тем, что слово – это своеобразный материал, результат, «выращенный культурой общества» (*лён*); более того, поэтическое слово – это средство преобразования уже имеющихся слов, при котором «вышиваются» нужные смыслы (*пальцы*); *ткань* – это реальные результаты «вышивки», то есть художественные итоги поэтических фрагментов.

Таким образом, творчество футуристов отличалось особыми программными установками. В то же время в современной поэзии также можно отметить лексические новообразования как продукт лингвокреативной деятельности авторов. При этом важным является то, что языковая специфика поэтического текста соотносится с художественно-методологической установкой поэта и репрезентирует его особую картину мира. «Язык, – пишет Л.И. Плотникова, – это способ выражения творческой индивидуальности поэта и его художественного метода. Необходимость сказать новое слово побуждает авторов искать необычные формы выражения. Особенность отбора лексических средств создает особую картину мира поэта» [Плотникова 2004: 28]. Основной причиной обращения современных поэтов к словотворчеству является, по-видимому, стремление к максимальному использованию выразительных возможностей слова, к новизне выражения, свежему словесному образу.

Лексическое новообразование в поэтическом тексте не просто называет какую-либо реалию объективной действительности. При этом оно реализует богатство смысловых оттенков и ассоциативных связей. Как отмечает И.И. Чумак-Жунь, «являясь формой отображения поэтической картины мира, язык поэзии обладает рядом специфических особенностей, среди которых особое

значение приобретают эмоциональные и экспрессивные средства» [Чумак-Жунь 2009: 24]. На стремление к необычному сочетанию слов обращали особое внимание символисты и считали его «коренной чертой поэзии».

Можно говорить о том, что словотворчество способствует созданию языковой специфики поэтического текста, так как произведения словесного искусства ориентированы на максимальное выявление семантического потенциала языковых единиц. В работе «Поэтика слова» В.П. Григорьев определяет поэтический язык как «язык с установкой на творчество, а поскольку всякое творчество подлежит и эстетической оценке, это язык с установкой на эстетически значимое творчество» [Григорьев 1986: 43]. Не случайно особым видом речевой деятельности считают именно поэтическую деятельность. «Главные ее отличия от обычной, повседневной речевой деятельности в том, что поэтическая речевая деятельность обладает эстетической функцией, определяющей ее неповторимость и обращенность на совершенствование самого орудия речевой деятельности – поэтического языка, в том, что она неповторима, хотя и тиражируема; что как производство, так и восприятие поэтического текста суть творческие акты, что в поэтическом тексте в особой гармонии сопряжены план содержания и план выражения, эмоциональная и рациональная стороны речевой деятельности. Именно поэтому поэтическую речевую деятельность можно рассматривать как квинтэссенцию речевой деятельности, как высшее ее проявление, как одно из высших воплощений человеческого гения» [Супрун 1996: 232].

Несомненно, у каждого поэта свой идиостиль, свои художественно-методологические установки, своё отношение к словотворчеству. Поэтическое наследие белгородских авторов предоставляет исследователю яркие примеры авторских слов, которые можно считать одним из эффективных средств осмысления и поэтической интерпретации окружающего мира.

1.2. Индивидуально-авторские слова в системе регионально маркированных языковых средств

Выбирая узусальные слова или конструируя собственное авторское слово, поэт «получает возможность представлять окружающий мир с помощью регионально маркированных языковых средств, на основе сложившихся пресуппозиций формировать у читателей представления, соотносимые с характерными для данного региона образами, символами и социокультурными стереотипами речевого поведения» [Паршина 2012: 11]. Созданное автором единственно необходимое слово отражает национальную специфику, основные стереотипы этноязыкового сознания, а также индивидуальное видение и понимание окружающего мира. Анализ языковой специфики поэтических текстов белгородских авторов свидетельствует о разнообразии индивидуально-авторских средств, которые позволяют передать реальные картины Белгородчины и в то же время отражают индивидуальный тип поэтического мышления отдельного автора. При этом важным представляется то, что в едином дискурсивно-региональном пространстве объединяются не только лингвистические, но и экстралингвистические знания, создающие облик дискурсивного пространства белгородского поэтического словесного творчества.

На данный момент Белгородская область включает в свой состав 22 муниципальных образования: 3 городских округа (Белгород, Старый Оскол, Губкин) и 19 районов. Можно говорить о том, что Белгородчина представляет собой особый лингвокультурный феномен. Необходимо отметить, что в послевоенные годы население областных городов пополнялось за счет притока жителей сельских районов, в результате чего в городских населенных пунктах сформировалась особая разновидность речи,

вбирающая в себя как общенародный пласт, так и диалектную специфику. В итоге образовались белгородские городские полудиалекты, которые активно функционируют в настоящее время, а также белгородский региолект, или региональный язык, объединяющий языковое пространство региона и отмеченный диалектными чертами. Данная разновидность народной речи представляет не меньший интерес, чем собственно диалекты, и требует своего научного описания.

Как отмечает В.А. Маслова, интерес к региональным проблемам, в том числе и языковым, «объясняется несколькими факторами: частичной децентрализацией политической и экономической жизни многих крупных регионов... их выдвижением в качестве важных административных единиц, мощным движением во всем мире в защиту региональных автономий, а также осознанием той опасности, которую несет в себе нивелирующее начало цивилизации XXI в. Поэтому на первый план выдвигается регион как основная административная единица» [Маслова 2015: 4].

Как правило, региональный язык представляет собой неоднородную языковую систему. Его непосредственной базой является общенациональная форма языка, на которую определенное влияние оказывают диалекты, распространенные на данной территории, жаргоны, социолекты, городское и сельское просторечие, контактирующие языки и др.

Изучение имеющегося в данной области опыта свидетельствует о том, что долгое время понятия «региональный язык» и «диалект» строго не разграничивались, однако в настоящее время эти понятия разводятся, при этом учитывается, что язык региона – это явление более широкое, не ограничивающееся только диалектами. Основными его составляющими можно считать названия региональных предприятий (эргонимы), названия внутригородских объектов (годонимы), названия районов, фамилии знаменитых людей Белгородчины, названия белгородских газет, местных теле- и радиопередач и др.

Основу регионального языка Белгородчины составляют местные диалекты, которые представлены диалектными словами и регионимами. Сам термин «диалектное слово», по определению Ф.П. Филина, обозначает «слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)» [Филин 1961: 22]. Следовательно, диалектное слово – это слово, существующее в говорах и отсутствующее в системе литературного языка. Данные электронной картотеки диалектизмов разных районов Белгородской области, составленной коллективом преподавателей и студентов под руководством профессора кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета С.А. Кошарной, вошли в «Областной словарь Белгородчины», который представляет интерес для диалектологов, лингвокультурологов, этимологов, специалистов по словообразованию и морфологии, а также для историков, этнографов и широкого круга читателей, неравнодушных к языку и истории страны и региона.

Исследование различных групп лексики белгородских говоров значимо не только в региональном контексте, но и в более широком: диалекты Белгородской области – это часть языковой палитры России, отражение её истории, в том числе – особенностей порубежья с Украиной, которые находят репрезентацию в белгородских говорах.

Как уже отмечалось, язык региона не ограничивается только диалектами. Он включает довольно широкий пласт регионально маркированной лексики. На наш взгляд, наиболее ярко региональная лексика представлена в поэтических текстах белгородских авторов. Так, региональными можно считать в них слова и сочетания, включающие регионально маркированный компонент *белый*. Он входит в состав сложного по деривационной структуре топонима *Белгород*. Белгород – это город на юге средней полосы европейской части России, административный центр Белгородской области.

Известны разные варианты, объясняющие этимологию данного топонима. Так, можно считать, что топоним *Белгород* образован на основе сочетания «белый город», буквально: крепость, стены которой построены из белого камня. Другой вариант связывает этимологию с названием горы – *Белая гора*, на склонах которой и расположен город, буквально: город на Белой горе.

И в том и в другом случае название города связано с белым цветом – цветом мела, особой осадочной горной породы. Меловые горы окружают Белгород, поэтому основная деталь пейзажа Белогорья – это белые горы и холмы. Об этом пишет, например, известный белгородский поэт В. Молчанов – поэт, переводчик, публицист, деятель культуры, заслуженный работник культуры РФ, председатель Белгородского регионального отделения Союза писателей России: *Белогорье... Поле отчее. / По-над лугом белый дым, / Трав густых сиянье сочное / По откосам меловым. // Змейка вьющегося вереска / Розовеет над горой, / И совсем не видно берега / За травой береговой.*

Член Союза писателей СССР и России белгородский поэт И.А. Чернухин родился в п. Томаровка Белгородской области, поэтому этот край ему особенно близок и дорог: *Край мой белый!.. / Холмы и долины, / Тихих речек зеленый окрас. Белохатье. Разливы полыни. / Свет берез. Черноземная вязь...; Село мое белое... / Куда ни уеду – вернусь. / И что б я ни делал - / По тебе грусть. / По тихой речонке Ворскле, / По говорку сельчан, / И просто по сему, / По вороху / Душистому по ночам...; Белый город – родные края, / Вечный зов материнской крови, / Лебединая песня моя, / Город детства и первой любви. / Полюбил я каштаны твои, / Речки тихие, белые горы...*

За поэтическими строками И. Чернухина стоит история названия нашего города: *Что за белым тем холмом? / Горы меловые, / Или Белый город-дом, / Или клад России?..* (Что за белым тем холмом?..). Поэму И. Чернухина «Бел-город» можно назвать документальной историей

Белгородчины: *Что мне делать, **Белый город**, / Подскажи мне искренне: / счастье где мое / и горе? - / Далеко ли, близко ли?.. Не за белыми ль горами, / Меловыми кручами, / Там, где солнце над лесами, / Песня моя лучшая?* (Белгород).

Топонимы, которые довольно активно употребляются в поэтических текстах белгородских авторов, вызывают особый интерес, так как позволяют представить не только географические, но и отдельные культурно-исторические особенности Белогорья: *Пусть нет у нас Садового кольца, / Зато весенний сад красив и молод. / И к белым кручам лентою Донца / Привязан крепко-накрепко мой город* (В. Молчанов). Довольно часто топонимы используются в названиях стихотворений, это создает представление о географических особенностях Белгородской области. Однако топонимы в поэтических текстах – это не просто географические названия, с их помощью авторы передают красоту родной природы и свое восхищение ею:

Или музыка слов, уникальных, насыщенных смыслов:

***Ровеньки, Волоконовка, Грайворон, Губкин, Хотмыжск,**
А легенда о **Ворскле!** А **Нежеголь** в ритме струистом!
Плюс кувшинки, стрекозы, чирки, элодея, камыш* (В. Харченко).

За каждым из названий стоит история региона, его прошлое и настоящее: *Богата Русь Мариями, Иванами – / Так повелось уж испокон веков. / Богата Русь певучими названьями / И городов, и сел, и хуторов. / Названья будто мастер все выстругивал, / Именовал, вздохнувши от сохи: / Деревня под яругой – **Подъяруги**, / Деревня под ольхою – **Подольхи**. / Слова рождались все живые и разумные, / Ядреные, хоть пробуй их на зуб: / **Ольшанка, Правороть, Шипы и Думное, / Гремучий, Вязовое, Редкодуб...*** (В. Чурсин).

Таким образом, язык Белгородского региона – это явление поистине уникальное и многообразное. Изучение его в самых различных проявлениях представляет в настоящее время первостепенную задачу, потому что это

важная составляющая изучения истории, социокультурной и экономической жизни народа, проживающего на данной территории.

Региональный поэтический дискурс представляет собой довольно сложное, объёмное явление. Оно включает в себя и поэтические тексты художников слова Белгородского региона, и различные составляющие экстралингвистического характера, предполагающие важную краеведческую информацию, определённые ценностные установки, которые организуют в своей совокупности региональный фон концептосферы поэтических текстов авторов Белогорья.

Жанровая специфика поэтического творчества авторов Белгородского региона весьма разнообразна: это стихотворения, поэмы, басни, поэтические репортажи, баллады, шуточные стихотворения для детей и взрослых. Данное многообразие жанров, а также специфика словотворчества создают особую конфигурацию *дискурсивного поэтического пространства Белогорья*. Определённую роль играют в нём лексические новообразования, которые довольно часто выполняют функцию ключевых слов поэтического текста, позволяют проникнуть в творческую мастерскую художника слова, дают возможность специалистам определить словотворческий потенциал языковой личности.

Зафиксированные нами индивидуально-авторские слова, созданные поэтами-белгородцами, свидетельствуют о своеобразии региональной поэтической картины мира. Систематизация языкового материала позволила сделать определённые выводы и обобщения.

В количественном отношении среди авторских новообразований преобладают имена существительные, причём большую группу среди них составляют разнословные сложения: *Эх, грибники!// Народ-неразбериха.../ «Ау-ау!» – доносится порой./ В кусты забила смирная ежиха,/ Прошив листу калёною иглой* (А. Филатов); *В саду так много тем!// Вот зреет синий терн. /Да ягоды-картечины/ Рассветом чуть подсвечены* (В. Черкесов). Терн, терновник, это колючий кустарник с терпкими синевато-чёрными

плодами, который активно произрастает на территории Белгородской области. Для автора плоды терна ассоциируются с картечью – крупной дробью для охотничьего ружья. Эта ассоциативная связь вербализуется разнословным сложением, выполняющим в условиях авторского контекста функцию изобразительно-выразительного средства.

Языковой материал позволяет говорить, что один из компонентов разнословных сложений, как правило, даёт характеристику лицу или предмету:

*Это пластики праздник,
Каждый жест – откровенье,
Пусть **волшебник-проказник**
Остановит мгновенье!* (В. Кичигина)

Зафиксированные авторские слова убеждают в том, что обилие составных наименований – одна из особенностей словотворчества белгородских поэтов. Подобные слова создаются способом сложения двух узувальных слов, в результате возникает особое слово с дефисным написанием, значение которого является гораздо более ёмким, нежели сумма значений составляющих его компонентов.

Довольно часто компоненты разнословных сложений находятся в отношениях сочинения, например:

*Днепр, прощай! Мой потерянный рай
Чёрно-белых осенних признаний,
Невозможной любви затерявшийся край,
Бесконечность **прощений-прощаний**.* (В. Кичигина).

Продуктивность модели разнословного сложения подтверждается тем, что в одном контексте отмечаются ряды составных слов, например:

*Где память – надпись на песке,
Не верь **биографам-старателям**:
Что смогут высмотреть в строке
Глаза **потомков-дознавателей**?..* (Л. Яснова).

Многие из составных наименований дают не только развернутую характеристику, но и оценку определённого явления, являются яркими образными средствами, ср.: *Здравствуй, **тихоня-речушка**,/ Мой вам привет, камыши...* (В. Волобуев); *Всё с детства русское любя,/ Вхожу я в храм, **глаза-колодцы**...* (И. Чернухин).

Разнословные сложения, как правило, позволяют автору создать ёмкий и необычный художественный образ, служат особым изобразительно-выразительным средством:

Не увидеть твоей **тайны-штоленки**
Мне с высокой моей колоколенки.
В стужу белую, в стужу лютую
Мягкой шалью тебя не укутаю. (В. Харченко).

В особую группу среди новообразований-субстантивов можно выделить отвлеченные имена существительные, образованные сложносuffixальным способом: *И пред тем, как вечно кануть/ В **белоснежье** кутерьмы,/ На прощанье клёны тянут/ Золотые пятерни...* (В. Молчанов); *Украина степная – далеко, далеко/ С **белохатьем**, садами, разливом хлебов* (И. Чернухин);

*Выходи давай, расхороший мой,
Из окружности цепких бед,
Замети с другим слов-порошею,
Белословием чёрный след.* (В. Харченко).

В стихотворении И.А. Чернухина отмечено поразительно ёмкое и выразительное авторское слово *без-иванье*, образованное от имени собственного. *Иван* – одно из самых распространённых имён у славян, его особенность в том, что оно как собирательный образ ассоциируется со всеми русскими, а в большей степени – с рускостью, Россией, широкой русской душой. Проходит время, сменяются вожди, но во все времена остаётся *Иван* как символ душевной чистоты и искренности русского человека: *Всё было:/ Чкаловы, Ягоды,/ но **без-иванья** – никогда!* Авторское слово образовано префиксально-суффиксальным способом с графодеривационным формантом

– вставкой дефиса, который подчёркивает значение приставки и актуализирует отантропонимический дериват.

Новообразования-прилагательные в количественном отношении несколько уступают субстантивам, хотя среди инноваций данной части речи представлены самые разнообразные словообразовательные модели. Весьма активным в сфере адъективного словопроизводства поэтов-белгородцев является способ сложения. Наибольшую группу составляют прилагательные с опорным компонентом, равным самостоятельному слову. Такие новообразования, как правило, передают сложную гамму цветовых и световых эффектов: *Пора самосожженья и распада/ Травы и листьев звонко-золотых* (И. Чернухин); *Вокруг тальник стоит стеной/ Зелено-желто-сероватой./ И мечутся по-над водой/ Разноголосые пернатые* (В. Черкесов); *И бархатцев багряно-оранжевых праздничный ряд,/ И каскады шаров золотых ярко-жёлтого цвета, / Листьев чёрной смородины крепкий, душистый смрад/ И медовое сверху тепло уходящего лета* (В. Харченко) и др. В подобного рода авторских слов образно и ярко запечатлено индивидуальное мировосприятие, что обуславливает личностный характер поэтического текста и создаёт эстетическую гармонию мысли и слова.

Особым изобразительно-выразительным потенциалом обладают сложносuffixальные адъективы, например: *У дуба, где рюкзак я бросил,/ Рыжеполосый бурундук/ Исследует, кто это вдруг/ Пожаловал, незванный, в гости* (В. Черкесов); *Уставшая от игры и себя/ Солнцеволосая женщина* (И. Чернухин).

Разнословные сложения, объединяющие в одном слове наречие и прилагательное, можно считать отличительной чертой современного поэтического дискурса Белгородчины, ср.:

*А в этот день, пронзительно-осенний,
Рукой разгладив ранние морщины,
В своих стихах опять ищу спасенья...* (В. Кичигина).

Третье место в количественном соотношении занимают новообразования-глаголы. Среди слов данной части речи также отмечены разнословные сложения: *Что-то **пригрезится-вспомнится**/ Очень далёкое мне* (Ж. Бондаренко); *Не умел ты меня/ **Полюбить-позабавить**,/ А теперь не сумел/Даже гордо оставить* (В. Волобуев) и др.

Зафиксированы многочисленные суффиксальные глагольные образования, например:

*Входящий во многие двери – опасно отравлен:
От ручек дверных **вирусует** ходячий субъект.
Какое, скажите, мне дело до левых и правых? –
Я в центре по сердцу... и, значит, с в о б о д н ы й поэт* (И. Чернухин).

Индивидуально-авторские новообразования-наречия занимают незначительное место в поэтических текстах белгородских авторов. Наиболее продуктивный способ образования наречий – суффиксальный: *...в записных поэтических книжках/ Чудно лгут прописные слова,/ Воспевая напасти и грозы,/ **Стрептоцидово** в горле горча.* (Л. Яснова); *Вдруг повеяло ранней зимой/ От цветущих **венчально** садов* (Ж. Бондаренко). Среди новообразований-наречий также отмечены разнословные сложения, например: *В рощах апельсиновой Севильи/ Ангелам учиться у поэтов/ На бумажных бело-синих крыльях/ В крылья мельниц вклиниваться ветром,/ Чтоб луна полёт остановила/ И застыла **траурно-покорно**...* (Л. Яснова).

В целом созданные наречия метафоричны, содержат оценочную характеристику и отражают то особое видение мира, которое сложилось у автора и требует своего обозначения.

Особым текстообразующим потенциалом отличаются окказиональные образования, созданные с нарушением правил русского словопроизводства. Так, контаминантом является заголовок стихотворения Т. Огурцовой – «Закачательное» как результат совмещения слов *закачать* + *замечательное*.

Особую выразительность поэтическому тексту придают индивидуально-авторские новообразования, созданные способом

редеривации: *Я свет люблю, хоть он и не родня, / А лишь **знакомец** в памяти далёкой... / Придуманного красного коня / Я с ним водил по стравленным толокам* (А. Филатов), ср.: *незнакомец - **знакомец***; «Земеля – ба!». «А м-мне сем-мна-дцать л-лет...»./ *Высказывали спешно пожеланья / Отцы и мамы, чей-то тесть и дед, / Как будто проводили **напослед** / Родительское общее собрание* (В. Молчанов), ср.: *напоследок - **напослед*** и др.

Активно использует в словесном творчестве способ дефисации (намеренного деления слова на значимые части с помощью дефиса) Лана Яснова:

*Обречение слов, **об-речение**,
и как будто свивается нить,
но в сухарнице сохнет печенье,
и анапест в неё не вместить* (Б. Пастернаку. 2. Январский анапест);

*В ирреальности лет протекает **не-время**,
Где – по стрелкам – **не-дни** переходят в **не-ночи** ...
В почву **не-бытия** здесь вгрызается лемех,
Чтобы солнце – взошло, но восход – обесточен...* (Ирреальность).

Отмечены примеры, в которых явно проявляется авторская игра со словом, которая находит проявление в конструировании необычных слов, созданных с нарушением правил русского словообразования. Подобного рода слова отличаются особым выразительным потенциалом, например:

***Полулюд-полусброд, полусон-полуявь,**
Полу-сам, полу-с-ней. Вместо воздуха – гарь.
По ночам ты ломал стройных мыслей фрегат,
Полужив-полумёртв. Ты же болен, пират...* (В. Кичигина).

Особый интерес представляют примеры, зафиксированные в поэтических текстах Л. Ясновой, в которых намеренно удаляется конечный сегмент слова, что приводит к формальным и, главное, семантическим преобразованиям слова и создаёт ощущение недосказанности, незавершённости. Данный сегмент заменяется в слове многоточием. Этот способ окказионального словообразования в настоящее время не получил

детального описания. В качестве рабочего принимаем термин «приём недосказанного слова». Например:

*Здесь только свет и звуки – «от» и «до»,
Что едят пространства временные,
Как будто вдох и выдох, выдох – **вдо...**
И вот вдохнёшь – а там уже – иные... (Л. Яснова).*

В поэтических текстах Л. Ясновой отмечены случаи так называемой графической деривации, которая включает в свой состав такие явления, как вставка, удаление, выделение, замена. Так, вставка предполагает употребление авторского дефиса, кавычек, наклонной черты (одинарной или двойной), апострофа, восклицательного знака и др. Например:

*По оси земной – через **круго/верть** –
Не бойсь, кружи веселей...
А под вечностью прячет морду смерть –
Что мне в ней?.. (Не про то...).*

Таким образом, одной из составляющих региональной поэтической картины мира можно считать индивидуально-авторские новообразования. Каждый из исследуемых белгородских поэтов, безусловно, отличается своим идиостилем, индивидуально-авторским видением действительности, своим отношением к словотворчеству. Однако анализ поэтических текстов современных белгородских авторов с позиций словотворчества, специфика авторского использования деривационных моделей позволили выявить общие закономерности и определить в целом облик дискурсивного пространства белгородского словотворчества.

Таким образом, наряду с регионально-маркированными словами, важными компонентами поэтического текста являются и лексические новообразования, которые представляют собой результат лингвокреативной деятельности художников слова. Созданные авторами слова отличаются разнообразной структурой, семантической ёмкостью, впечатляющей образностью. Доминантой регионального поэтического словотворчества можно считать разнословные сложения, отмеченные в составе основных

знаменательных частей речи. Они являются одним из главных средств репрезентации авторских мыслей и интерпретаций относительно общероссийских и региональных реалий.

Словообразовательный вектор проведённого анализа позволяет выделить, наряду с разнословными сложениями, префиксально-суффиксальные субстантивы, сложные и префиксальные прилагательные, суффиксальные глаголы, префиксальные наречия. Каждое из лексических новообразований создано в соответствии с авторским замыслом, отражает особенности миропонимания отдельного художника слова. Однако можно говорить о том, что в целом словотворчество белгородских авторов определяет специфические черты регионального поэтического дискурса.

1.3. Изучение индивидуально-авторских новообразований на факультативных занятиях по русской словесности в школе

Учебный процесс в школе направлен на воспитание всесторонне развитой гармоничной личности, при этом уроки словесности имеют особое значение, так как основой воспитания является родной язык. Именно уроки словесности и факультативные занятия по данному предмету предоставляют учителю большие возможности воспитания и привития любви к прекрасному. Научиться логически грамотно мыслить, красиво и убедительно излагать свои мысли значит приобщиться к культуре, быть человеком образованным, современным, творческим. В этом отношении перед учителем-словесником стоит важная задача: он должен способствовать развитию образного мышления обучающихся как одному из важных условий общего интеллектуального развития, активизации творческого воображения, приобщать учеников к эстетическому опыту, вырабатывать потребность следовать культурным традициям. Красной нитью должна проходить мысль о том, что именно язык позволяет выразить свои мысли и чувства, позволяет познавать мир, вступать в отношения с внешней средой, осваивать навыки общения.

Перед современным учителем-словесником стоят сложные задачи, потому что место и роль русского языка в системе образования сейчас сильно занижены. Об этом, в частности, пишет журналист А. Привалов: «В школе нужно не столько вдалбливать орфографию, сколько учить детей пользоваться языком: говорить, понимать, писать, общаться. Как пишется трудное слово, можно в словаре посмотреть, но нет столь же простого способа выразить свою мысль – или даже иметь свою мысль, если тебя этому не обучали. Сейчас же писать и понимать не умеет толком и много множество егэзизированных до полусмерти учителей и учащихся» [Привалов 2014].

На наш взгляд, современная языковая ситуация обусловлена в первую очередь непониманием самого феномена языка. Образность русского слова, его яркость и неповторимость должны открываться перед учеником вместе с открытием мира. Необходимо помнить о том, что любое слово неотрывно связано с определённой мыслью, в противном случае оно умирает, превращается в бессмысленное правописание.

Учитель должен донести до каждого ученика мысль о том, что люди реализуют в себе человеческий потенциал только благодаря Слову и благодаря почитанию этого Слова в виде чтения. Русский язык – это не только форма и значимая часть нашей культуры. Это основной концентрат этой культуры, который аккумулирует наши знания и представления о мире.

Эстетическое воспитание на уроках словесности должно быть основано на тезисе о том, что мышление невозможно без языка, речи, слова. За каждым словом кроется глубокий внутренний смысл, его невозможно понять без историко-культурного подхода. Для русского человека слово – это слово родного народа, которое неразрывно связано с его историей и судьбой, оно является хранилищем исторической памяти этноса, отражает его психологию, верования, образ жизни, систему этнических и эстетических оценок.

Современная наука о языке подтверждает мысль В. Гумбольдта о том, что язык представляет собой живую деятельность человеческого духа. Разнообразная деятельность людей требует не только знания значений слов и правил их правописания, но и живой, яркой речи. Основная задача состоит в том, что учащиеся должны *почувствовать потребность* в овладении правильной, красивой и убедительной речью.

Занятия по русской словесности должны воспитывать у учеников негативное отношение к неоправданным штампам и языковым вольностям, прививать уважение к речевой культуре, при этом имеется в виду как книжно-литературная, так и народнопоэтическая культура. Учащийся должен в процессе изучения русского языка осознать свою принадлежность к самобытному духовно-интеллектуальному типу человечества.

По мере того, как школьники начинают понимать и чувствовать музыкальность и неповторимость русского слова, грубое, жаргонное слово воспринимается как нечто недостойное грамотного человека. Такого рода работа становится успешнее и осязаемее по мере того, как расширяется словарный запас учащихся. При этом воспитание любви к русскому слову должно быть связано с эстетическим чувством уместности словоупотребления, которое А.С. Пушкиным было обозначено как «чувство соразмерности и сообразности». Именно оно отличает истинный языковой вкус.

Исследователи считают, что эстетические чувства учеников не имеют ещё в этом возрасте полной формы выражения и требуют своего развития. Это происходит в контексте всего процесса эстетического воспитания школьника. Учителя словесности выражают свою озабоченность тем, что за чередой разных видов грамматического разбора порой теряется самое главное – удивительное богатство и красота русского слова, широчайшая палитра русских языковых красок. В этом направлении широкие возможности открывает *лингвокраеведческое направление*, которое позволяет

представить культуру местной народной речи, приучает к любви и уважению к родному слову.

Произведения белгородских авторов могут представлять интересный материал на уроках и факультативных занятиях по русской словесности. Этот материал представляет особую важность, которая обусловлена требованием Образовательного стандарта о включении регионального материала в процесс изучения русского языка. Кроме того, это даёт возможность более глубоко познакомить детей с творчеством местных художников слова, что позволяет учителю развивать патриотические чувства и наиболее полно представить эстетическую функцию родного языка.

Произведения белгородских авторов можно использовать как иллюстративный материал при составлении целого ряда заданий, например:

- а) отметить в предлагаемом тексте образные языковые средства (эпитеты, метафоры, олицетворения и др.);
- б) объяснить значения местных слов и оборотов речи, отмеченных в тексте самими учащимися или указанных учителем;
- в) дать словесный портрет определённого лица или явления;
- г) отметить в региональном тексте слова определённой частеречной принадлежности;
- д) выбрать из предложенного поэтического или прозаического текста белгородских авторов слова с указанными грамматическими показателями;
- ж) выявить примеры словотворчества, объяснить значение и особенности структуры авторских слов и многие другие.

Язык произведений авторов Белогорья служит прекрасным образцом художественной речи для учеников. Чтение, анализ, заучивания отрывков текстов региональных авторов формируют образную речь учащихся, развивают их языковой вкус.

Работа над изобразительно-выразительными средствами языка должна органически вплетаться в систему идейно-художественного анализа произведений, подчеркивая их содержание. Она воспитывает у учащихся

внимание к слову. Понимание оттенков его значения. Таким образом школьники приобщаются к стилистике художественной речи, овладевают простейшими её средствами, раскрывают эстетическую функцию русского языка.

На наш взгляд, примеры словотворчества белгородских авторов не могут быть обойдены вниманием учителя-словесника и должны стать предметом специального изучения в школе, это позволит представить язык как систему, которая развивается вместе с изменением жизни общества.

Учитель должен объяснить, что, в отличие от неологизмов, которые принадлежат языку, авторские слова являются речевыми образованиями и, как правило, не входят в язык. Значение таких слов понятно только в условиях определённого контекста. Поэтические тексты белгородских авторов дают яркие примеры авторских новообразований. Необходимо обратить внимание учащихся на то, что удачное словотворчество позволяет поэту создать неповторимый словесный образ, передать тонкие смысловые оттенки, помогает избежать словесных штампов. Например, новообразования Н. Дроздовой – это не просто удачно сконструированная единица, подчас это целый микрообраз, составляющий основу произведения в целом. Например:

*Он плывёт ко мне на лодке, направляясь к **белохолмью**,
где когда-то родилась я, где меня давно уж нет;*

*Этот кот, грядущий осторожно...
Эти света медленные блики...
Я уснула **горестно-ничтожно**.
Я проснулась **радостно-великой**.
Эта боль в разбуженные вены...
Это соль разоблачённых ливней...
Я пришла **задумчиво-неверной**.
Я уйду **доверчиво-счастливой**.*

Одной из тем факультативных занятий по русской словесности в старших классах может стать специфика словотворчества одного из современных белгородских поэтов **Александра Филатова**.

Примерный **план-конспект** факультативного занятия.

I. Материал для вступительного слова учителя об А. Филатове.

В нашей жизни есть люди с щедрой душой и открытым сердцем. Они несут особый свет, тепло, радость, наполняют нашу жизнь духовным содержанием. К таким людям относится Александр Константинович Филатов – наш земляк, он родился в селе Топлинка Белгородской области. Природа наделила его красотой и душевной щедростью. Он был прекрасным педагогом, талантливым поэтом и замечательным человеком.

В одном из своих писем он написал замечательные строки, в которых отражается позиция Человека и Гражданина: «Если хочешь стать человеком, то поучись этому у своей жизни. Как? Проанализируй. Брось завышать среднее, унижать и без того низкое, займись конкретными и простыми делами. В каждом деле есть высокий мотив... Человек знаменателен своими поступками...».

В шестнадцать лет по нелепой случайности он стал инвалидом, однако не сдался, продолжал страстно любить жизнь, проявлять гражданскую активность, быть нужным людям. А.К. Филатов работал учителем русского языка и литературы в Топлинской средней школе, передавал свою любовь к языку, поэзии, истории Белгородчины. Он оставил о себе добрую память – свои стихи, в которых отразилась любовь к родному селу, к его людям, восхищение родной природой.

Белгородцам хорошо известны поэтические сборники А. Филатова «Струна» (1976), «Огни зовущие» (1980), «Окно» (1985), «Я воскресну в травах спелых» (1997). Собранные в них стихотворения наполнены особым философским содержанием, проникнуты чувством трепетной любви к русской земле, к русской природе. Об этом очень проникновенно написал И. Чернухин: «Вся поэзия А. Филатова с первой до последней строчки несёт в себе дух России, малой Родины, Белгородчины. Лесостепная средняя полоса России, чернозёмные поля, заливные луга, тихие равнинные реки, старинные русские сёла, простой деревенский люд, сельский быт и крестьянский труд –

всё это пресветлая, трепетная любовь поэта, вошедшая в него с молоком матери и не оставлявшая его всю жизнь, до последнего вздоха» [Чернухин 2003: 4].

Духовной поддержкой поэта было его родное село Топлинка – одно из красивейших мест Белогорья. Поэт не устал удивляться красоте Северского Донца, цветущих садов, соловьиному пению. О своём единении с природой поэт написал:

*Ну, кто я без деревьев и травы –
Владелец обречённой головы?
И что мой взмах натруженной руки
Без вёсел и зарыбленной реки?
И что глаза – без лебедя и без
Засеянных светилами небес?..
Ответа нет – кричи или молчи,
Я знаю только: серые сычи
Средь ночи братья кровные мои.
А на рассвете братья – соловьи.
Зимой синицы – близкая родня...
Но кто они, все вместе, без меня?..*

Малая родина была для А. Филатова началом всех начал:

*Погляди! Какая тут земля –
Разве есть на свете что-то лучше,
Чем поля, и эти тополя,
И журавль с подвескою скрипучей?*

В этих строках звучит призыв отбросить повседневную суету, оглянуться вокруг, увидеть сердцем земную красоту, прислушаться к шелесту листвы и луговых трав, увидеть бездонность звёздного неба... И вдруг... Этот мир был разрушен для поэта.. На месте Топлинка – рукотворное море... А. Филатов всеми силами старался предотвратить эту беду, это преступление перед природой. Болью проникнуты строки стихотворения «На снос Топлинка»:

*Последним сумраком беды
Не занесёт твои следы.
Порубят сад? Зато в саду*

*Взрастит стихия лебеду.
Снесут дома? Сломают мост?
Затопят выгон и погост?
Часы прервут свой ход и бой?
Но мы-то вечные с тобой,
Как свет звезды, как свет луны,
Как продолженье жизни – сны...*

Не смог, к сожалению, поэт отстоять родное село. Но его стихи оставили это место в памяти народной...

А. Филатов рано ушёл из жизни, но он продолжает жить в памяти тех людей, которые соприкоснулись с его поэзией.

Стихотворения А. Филатова отличаются особым языком, это настоящий клад изобразительно-выразительных средств. Сегодня мы обратим внимание на такую особенность языка его стихотворений, как индивидуально-авторские слова. Таких слов нет в толковых словарях. Они намеренно создаются автором с определённой художественной целью.

II. Ученик читает стихотворение «Сельский дворик»:

*От крыльца тропинка росная
Убегает под навес.
И крапива **быстророслая**
Дотянулась до небес.
Под крапивой в старом ящике
Кот зализывает бок.
И ползут из норок ящерицы
На песок и солнцепёк.
Всё от вечного до тленного
Расточает цвет и свет –
Нужен только взгляд Поленова,
А его как раз и нет!*

Учитель обращает внимание учащихся на авторское слово **быстророслая**. Как вы понимаете значение этого слова? В чём особенности его строения? *Быстророслая* – быстро растущая вверх. Слово сложное по структуре, оно образовано на базе словосочетания. *И крапива быстророслая дотянулась до небес*. Необходимо обратить внимание на то, что авторское

слово используется в составе стилистической фигуры намеренного преувеличения (гиперболы) с целью усиления выразительности.

III. Чтение стихотворения «Километрах в двадцати».

Следует обратить внимание на следующую часть стихотворения:

*Удивляясь, что вокруг
Неизменно всё и просто –
Те же птицы, тот же луг,
Та ж заброшенность погостов,
Те ж **путлявые** дворы
Под защитой **меловушек**,
Те же игры детворы
Без судей и без игрушек...*

Здесь представлено два авторских слова – *путлявые* и *меловушек*.

Можно предложить учащимся попытаться объяснить значение этих слов.

Поэт намеренно создаёт эти слова: *путлявые* – те, которые не просто петляют, но путаются, делая петли; *меловушки* – это небольшие меловые сопки – характерная черта пейзажа Белгородского края.

IV. Чтение стихотворения «Эхо в Крыму»

Ухожу на зовущее эхо.
Ускользает тропа из-под ног –
То ручей разливается смехом,
То тропу разрывает поток...
И уже не пройти, не проехать,
Не объехать орлиных преград –
К небу мчится крылатое эхо,
Ну, а я, **некрылатый**, – назад...

В этом стихотворении автор, используя продуктивную приставку *не-*, образует своё слово. Эта приставка привносит в значение слова отрицание. Значение слова понятно, не требует специального комментария. Подобного рода слова называются потенциальными, потому что они могут легко создаваться говорящими или пишущими.

V. Ярким и значимым в поэтическом наследии А. Филатова является стихотворение «Звени, звени, не уставая...»:

Звени, звени, не уставая,
Струя, которая струна –
Души солома полевая,
Души колючая стерня.
Звени над временным затишьем,
Дразни, упорствуй и шали,
И вознесись над **обесстишьем**
И **чернотишием** земли!

В этом стихотворении поэт создаёт два авторских слова, образованных по аналогии со словом *четверостишие*. Однако они отличаются разной структурой: слово *обесстишье* образовано приставочно-суффиксальным способом и обозначает определённое состояние – буквально: состояние, характеризующееся отсутствием хороших стихов. Слово *чернотишие* образовано от словосочетания *чёрный стих* способом сложения и суффиксации. А. Филатов создаёт эти слова для того, чтобы наиболее ярко передать мысль о высоком назначении поэзии.

VI. Можно предложить учащимся дома самостоятельно обратиться к поэтическим текстам А. Филатова и найти авторские слова, записать их на карточки в контексте, чтобы всем вместе составить **словарик авторских слов А. Филатова**.

Учитель должен обратить внимание учащихся на то, что восприятие авторского слова обычно личностное, субъективное, но если лексических новообразований в тексте слишком много, они могут затруднить его понимание, часть из них может не понравиться читателю, и тогда созданное произведение обречено на неуспех. Однако созданное мастером слова индивидуально-авторское новообразование, как правило, отличается высокой степенью поэтичности и эмоционально-экспрессивным наполнением. Оно создаёт особую, индивидуальную образность. Более того, оно позволяет выявить творческие возможности языковой личности и оказывает влияние на развитие языкового вкуса.

Глава II. СЛОВОТВОРЧЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ БЕЛГОРОДЧИНЫ

2.1. Словотворчество В. Молчанова

Владимир Молчанов родился в 1947 года на Кубани. Однако его детство и школьные годы прошли в селе Новая Таволжанка Шебекинского района Белгородской области. Он окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет, ещё во время учебы начал сочинять первые песни, но столкнулся с тем, что стихи других поэтов не всегда ложились на его музыку, поэтому начал писать их сам. В 1976 году В. Молчанов закончил отделение журналистики Воронежского государственного университета.

Первые стихотворения были опубликованы в 1966 году в газетах Белгородской области. В дальнейшем Владимир Молчанов печатался в центральных журналах, таких, как «Юность», «Новый мир», «Дружба», «Подъем». Первый поэтический сборник «Сирень» вышел в Воронеже в 1980 году. Уже тогда читатели отмечали необыкновенную мелодичность его стихов.

С 1992 года Владимир Молчанов возглавляет Белгородское региональное отделение Союза писателей России, руководит литературной студией «Слово», активно помогает молодым авторам.

Активная жизненная позиция В. Молчанова не осталась незамеченной: он удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В. Молчанов является лауреатом премии

Белгородского комсомола (1983 г.), лауреатом Всероссийских литературных премий («Прохоровское поле» (2003 г.), им. А. Фатьянова «Соловьи, соловьи...» (2004 г.), Центрального Федерального округа (2007), «Имперская культура» им. Эдуарда Володина (2011), Большой литературной премии имени Расула Гамзатова (2012), журналов «Наш современник» (2007), «Молодая гвардия» (2008) и авторского песенного конкурса «Моя малая родина» (1998 г.). В. Молчанов является Заслуженным работником культуры РФ, Почетным гражданином г. Шебекина и Шебекинского района.

Литературное творчество Владимира Молчанова известно не только на белгородской земле, но и далеко за ее пределами. Его книги издавались в Москве, Воронеже, Белгороде, Харькове. При его участии осуществлялись десятки региональных литературных проектов и акций, а литературно-патриотические чтения "Прохоровское поле" получили всероссийское звучание.

Высокую оценку поэтического творчества В. Молчанова дают его коллеги. Так, например, поэт Виктор Кирюшин отметил, что «стихи Владимира Молчанова не изощрённой виртуозностью берут, а какой-то внутренней силой, чистотой и нежностью. Нежностью к земле, родному дому, женщине. Открытая всем ветрам и в чём-то беззащитная русская душа...». Н. Мирошниченко написала: «И если бы меня спросили, что такое тайна русской души, я б ответила: читайте Владимира Молчанова. Он и есть эта тайна».

Сам поэт пишет, что «главной своей литературной школой считал и считаю Жизнь, у которой с неизменной жадностью брал и беру уроки»:

*Извечный чувству изъян,
Я каждый миг опять и снова
Учусь терпению у крестьян,
А у детей – искусству слова.*

Всё творчество Владимира Молчанова не случайно пронизано музыкой: в душе, как отмечает сам поэт, он считает себя музыкантом. Многие его стихотворения были положены на музыку. Опубликовано

нотные сборники музыкальных произведений, в которых В. Молчанов выступил как автор текстов песен и романсов. Композитором Николаем Поликарповым (автором известной песни «Оренбургский пуховый платок») была написана музыка на стихи В. Молчанова «Родник», «Улетают мои журавли», «Село моё вербное».

Каждую книгу Владимира Молчанова исследователи его творчества считают настоящим откровением, доверительным диалогом с читателем. Поэзия В. Молчанова раздвигает временные границы, в ней представлены вечные проблемы, поэт пишет о родине, дружбе, любви, войне и мире, о природе. Он размышляет о том, «что с нами в будущем случится и после нас произойдёт...».

Творчество В. Молчанова отличается и жанровым разнообразием: в нём представлены стихотворения, поэмы, венок сонетов и отдельные философские четверостишия:

*То ли бодрствуем, то ли спим мы –
Каждый день нас зажал в кольцо.
Ветер времени дует в спину,
А хотелось, чтоб дул в лицо.*

Анализируя языковую специфику стихотворений В. Молчанова, мы обратили внимание на довольно яркие и неординарные примеры словотворчества. Созданные поэтом лексические новообразования можно считать своеобразной приметой идиостиля В. Молчанова.

Авторские слова В. Молчанова активно создаются в пределах четырёх основных частей речи – имён существительных, прилагательных, глаголов и наречий.

Среди имён существительных наиболее частотны **разнословные сложения** – объединения двух и более узуальных слов с дефисным написанием. Среди многочисленных разнословных сложений выделяется группа слов, компоненты которых обозначают предметы сравнения, например:

Облака-острова

*Выплыли крылато.
Запылала трава
В зареве заката. (Облака-острова...);*

Кораблики-листья

*Плывут по воде,
Гонимые ветром,
Навстречу беде. (Кораблики-листья...).*

Подобного рода слова обладают особым изобразительно-выразительным потенциалом, служат средством создания художественного образа.

Довольно часто в разнословных сложениях один из компонентов даёт определённую характеристику другому, в роли которого могут выступать номинации природных явлений, представителей животного мира:

*Как бы вороны в небе ни каркали –
На земле всё исполнится в срок,
Повстречавшись с **тайгою-дикаркою**,
Приручают здесь Дальний Восток. (Стройотряду Буря доверена...);*

*Время осени – к закату.
И глупышки-воробьи
Трусовато, воровато
Пьют водицу из бадьи. (Время осени – к закату...).*

В отдельных случаях автор даёт предмету или явлению возрастную характеристику:

*Ох, грустна твоя вода,
Речка-старица.
Где успела и когда
Ты состариться? (Ох, грустна твоя вода...);*

*Я по свету кружил, я куда-то спешил,
А сегодня – такая досада:
Этот дождь-старожил и меня окружил,
И деревья июльского сада. (Что посеешь весной, то под осень и жди...).*

Отмечены примеры, в которых характеристика лица или предмета даётся по выполняемому им действию, например:

*Да в клевере **пчёлка-жужжалка**
Взлетает с цветка тяжело.
...А всё-таки прошлого жалко,
И тянет всё больше в село... (А всё-таки прошлого жалко...).*

В разнословных сложениях могут объединяться слова, близкие по значению. Очевидно, этим автор подчёркивает их значимость в составе поэтического контекста, например: *Тыща двести танков!.. Пыль/ С кровью смешана, с угаром./ С каждым **грохотом-ударом**/ В небеса взлетал ковыль.* (Танковое поле); *Не приживлялся и воротничок/ Крахмаленный, что к кителю положен,/ Был кстати б твой **напёрсток-колпачок**:/ Я искололся, словно дурачок,/ Татуировкой расписавший кожу.* (Присяга).

Нам представляется, что обилие разнословных сложений в поэтических текстах В. Молчанова объясняется их компактной формой и глубоким смысловым наполнением. Значение сложений контекстуально обусловлено, они отражают сложные индивидуально-авторские связи между различными понятиями, репрезентированные составными номинациями.

Среди индивидуально-авторских слов В. Молчанова можно выделить группу **префиксально-суффиксальных** образований. Подобного рода слова, как правило, обозначают определённое состояние или особое явление природы, например:

*Уже почти потухшие
За временем былым,
Но так же непослушные
С **бездумьем** молодым. (Опять зима завьюжила...);*

*И опять дотемна
Скрыт тобой надёжно.
Тишь...*

Беззвездье...

Луна...

И за всё тревожно. (Меркнет солнца глава...);

*Лишь неба снежного **безлунье**,
Да одинокая ветла,
Лишь улиц шумное **безлюдье**,*

Да перестылые ветра. (Мне темь глаза открыла шире...);

*Дни всё короче – **предзимья** примета,
Ночи до снега темны... (Захолодало. Земля почернела...).*

В отдельных случаях автор создаёт **сложносuffixальные** образования, созданные на базе мотивирующего словосочетания. Например, от словосочетания *белый снег* образовано слово *белоснежье*, с помощью которого автор создаёт образ снежной бури: *И пред тем, как вечно кануть/ В белоснежье кутерьмы,/ На прощанье клёны тянут/ Золотые пятерни... (Жухнут травы, стынут росы...).*

Зафиксированы примеры suffixальных образований, в которых в роли деривационных формантов выступают suffixы *-ост'* и *-изм*, выражающие значение отвлечённого признака:

*А над морем облака, облака,
Чайка в небе далека, высока.
В безнадёжной **бескрылости** дней
Не угнаться за чайкой моей,
Оттого и на сердце тоска. (Рондо...);*

*И вновь я думаю о доле,
О боли Родины моей.
С платформы «Танковое поле»
Смотрю на **солнечность** полей. (Танковое поле);*

*У **вождизма** всё та же осанка,
И другой я не вижу пока.
Раздаются призывы к нам с танка,
Как в семнадцатом – с броневика! (Вождь не тот, кто толпой
верховодит...).*

Анализ языкового материала свидетельствует об активном создании слов с препозитивным формантом *полу-* (в значении половина, наполовину. Именно это значение позволяет считать такие слова сложными). Например: *Бывает так: в томах негусто/ Блеснувших строчек, но зато/ На полумысли, **получувства**/ Надето модное пальто. (Бывает так: часами кряду...).* В стихотворении «Опять предстал во всём значеньи...» представлена целая

серия композитов с указанным формантом: *Столбов причудливые тени/
Свою изломанную ветвь/ Небрежно бросили на стены,/ Как **полузыбь** и
полутвердь.; В воде, у берега речного,/ Сам на себя глядит камыш –/ Как
будто сумрака ночного/ И **полушум**, и **полутишь**; А с горизонта излученье/
В очах двоится полосой,/ И мир даётся в ощущение,/ Как **полуявь** и **полусон**.*

Префиксальные субстантивы немногочисленны. Среди них – авторские слова с префиксами *не-* и *под-*, например:

*Он вдале спешил – для возвращенья,
И в гору шёл, как будто вниз,
Но до его **невозвышенья**
Поди попробуй, дотянись.* (Памяти Фёдора Сухова);

*И там, за острогромчатым хребтом,
Туманилась турецкая граница,
И облака в **подцвете** золотом... (Присяга).*

Использование слов-деминутивов создаёт общий проникновенный тон стихотворения, ср.: *Вдали не горы – **горушки**,/ А на речном мыске/ Утятя чистят пёрышки/ На беленьком брюшке.* (Вдали не горы – горушки...); *Тучи с сучьями в поединке,/ Даже сердце не чуждо **дичинки**:/ Связь меж ним и любой былинкой/ Тоньше ниточки паутинки!.. (Что с округой стряслось, в самом деле...); По метрикам я – сын земли кубанской,/ А по корням отцовским, по нутру:/ Я – веточка берёзки таволжанской,/ Сосновая **хвоиночка** в бору.* (По метрикам я – сын земли кубанской...).

Имена прилагательные находятся в количественном отношении на втором месте после существительных. Наибольшее число авторских слов представлено **разнословными сложениями**. При этом в качестве опорного компонента выступает имя прилагательное, а вторым компонентом является наречие, выражающее признак обозначенного признака, например:

*Пусть пролетают, печалю нас, годы,
Как журавли по родной стороне,
Лишь бы **живительно-чистые** воды
Не иссякали в твоей глубине.* (Белый Колодезь);

*Ливнем ласково-гневным,
На бугре и во рву,
Будто волосы гребнем,
Причесало траву. (Ливнем ласково-гневным...).*

Особенность последнего примера в том, что в разнословном сложении объединяются в одной номинации противоположные по значению признаки *ласковый* и *гневный*, образуя оксюморонное сочетание.

Языковой материал позволяет заключить, что довольно часто опорный компонент – имя прилагательное выступает в краткой форме, выполняя функцию предикатива, например:

*Смотрит комбат нам в лица,
Взгляд **напряженно-лют**:
«Братцы, из дома фрицы,
Где я родился, бьют...» (Рассказ старого артиллериста);*

*С портрета на стенке – Есенин
Безмолвный ведёт разговор.
Он так **несгибаемо-хрупок**,
В нём мягкость земли и гранит. (Сергею Есенину);*

*Это есть и было так извечно,
Лучшей не предвидится поры:
В детстве мы **открыто-бессердечны**,
В зрелости – **расчётливо-добры**... (Чёрт возьми! И что за наваждение).*

Отмечены **разнословные сложения** – имена прилагательные, обозначающие цвет. В качестве первого компонента в таких словах выступает наречие, выражающее проявление признака безотносительно к цвету или его оттенку: *Ты стоишь величаво и смело,/ Грустно свет свой во тьму запустив./ Цвет черёмухи ласково-белый/ О тебе, непокорном, грустит. (Свет струится в пустынной долине...); Рябинник безрадостно-алый – / Надежда на галочий пир./ Когда-то с той родины малой/ В огромный стремился я мир. (Рябинник безрадостно-алый...); То, что нет пока на карте/ Талакана –/ Не беда./ Как сияет на закате/ **Бурно-бурая** вода! (Что ни день...).*

Довольно значительная часть прилагательных представлена **префиксальными** образованиями. В качестве деривационных формантов в лексических новообразованиях выступают приставки *пре-*, *пере-*, *без-* и некоторые другие. Так, префикс *пре-* выражает значение высшей степени признака, например:

*Разгадать никто не в силах,
В чём слаба, а в чём сильна
Препечальная Россия,
Развесёлая страна!..* (Синим светом поднебесья...).

Приставка *без-* выражает своё основное значение – отсутствие того, что названо в производящей основе: *Ещё в нём совсем не печален/ Безлиственный клён за селом,/ И нету «Собаке Качалова»,/ И девушки нет в голубом.* (Сергею Есенину).

Неполноту признака («наполовину») выражают прилагательные с препозитивным формантом **полу-** :

*Опять предстал во всём значенье
На стыке света с темнотой
Средь неба тонкий луч вечерний
Полуночной, полудневной.* (Опять предстал во всём значенье...).

Отмеченные **суффиксальные** прилагательные единичны, например: А вдаль по вихрастому снегу/ Скользили угрюмые выюги,/ И душу мою охлаждали/ **Глыбастые** синие льды. (*Я видел Тебя, когда были...*).

Производящей базой для **сложносуффиксального** прилагательного **острокромчатый** послужило словосочетание *острая кромка*: *И там, за острокромчатым хребтом,/ Туманилась турецкая граница...* (Присяга).

Индивидуально-авторские слова – **наречия** в большинстве представлены **разнословными сложениями**, в которых оба компонента выражены наречиями:

*И, волны касаясь звонко,
Кружат чайки над водой.
А вдали, как бы каёмка,
Горизонт воздушно-тонко*

Отливает синевой. (К буре время клонит стрелку...);

*Я верил людям. И – напрасно!
Не раз обманут был в судьбе.
Теперь живу **бездумно-праздно**,
Не верю даже сам себе. (Не скрою этого, не скрою...).*

Отмечены наречия, образованные от сложных имён прилагательных с помощью **суффикса** -о, например: *Хожу крутогором. Дорога,/ Петляя, ложится у ног./ За мною спешит **хромоного**/ Доверчивый пёс Лепесток. (Красный Осёлок); Бурлили сады **белопенно**,/ Звенели частушки в кругу./ Всё это терял постепенно,/ Всё это собрать не могу. (Рябинник безрадостно-алый...); Эти клёны не мои,/ Не мои на листьях росы,/ И на ветках соловьи,/ Что поют **разноголосо**. (Эти клёны не мои...).*

Окказиональным способом **редеривации** образованы авторские наречия:

*Оставайся, пока тебе **вмочь**,
Лёгкой, тающей с возрастом, ношей,
Как вот эта беззвёздная ночь –
Хоть и сумрачной – всё же хорошей!.. (Ночь беззвёздна, а всё ж – хороша!..).*

Зд.: **вмочь** образовано способом обратного словообразования от наречия *невмочь*.

Способом редеривации образовано наречие *напослед* (от узуального *напоследок*): *«Земеля – ба!». «А м-мне сем-мна-дцать л-лет...»./ Высказывали спешно пожеланья/ Отцы и мамы, чей-то тесть и дед,/ Как будто проводили **напослед**/ Родительское общее собрание. (Присяга).*

Авторские **глаголы** в поэтических текстах В. Молчанова единичны. Приведём примеры:

*Мороз гуляет по щекам,
Синиц **бедуют** стаи.
Труднее стало жить зверькам,
Ленивей люди стали... (Лес, обнажённый догола...);*

*В каком бы отдаленье не был,
Ревнуя, сетуя, скорбя,*

*В надежде, что **взорлишь** ты в небо,
Рождает родина тебя... (А тяга к родине священна...).*

Таким образом, проведённый анализ авторских слов В. Молчанова позволяет говорить о том, что созданные слова являются результатом лингвокреативной деятельности художника слова. Они отличаются разнообразной структурой, смысловой ёмкостью и яркой образностью. Доминантой словотворчества В. Молчанова можно считать разнословные сложения, представленные среди имён существительных, прилагательных и наречий. Данное положение можно объяснить тем, что составные наименования отличаются компактной структурой, семантической ёмкостью, необычностью и изобразительно-выразительным потенциалом. Кроме того, авторские имена существительные представлены словами с препозитивными формантами и суффиксальными новообразованиями. Среди имён прилагательных отмечены префиксальные образования. Наречия созданы способом разнословного сложения и суффиксальным способом.

Каждое из созданных автором слов создано в соответствии с замыслом произведения, репрезентирует специфику авторского мировидения и обладает впечатляющей образностью.

2.2. Словотворчество Т. Огурцовой

Татьяна Огурцова – современный белгородский поэт, член Союза писателей России. Родилась в Курске в 1960 году, но ещё в детстве переехала в Белгород. Её родители, учителя, привили дочери любовь к литературе. Свои первые стихи Т. Огурцова написала ещё в школьные годы, они были опубликованы позже в газете «Луч». Во время учёбы в Харьковском институте культуры она увлекалась философией и эстетикой, это нашло естественное отражение в её поэзии, исполненной красоты человеческих чувств, эстетической гармонии мысли и слова.

В 1990-х годах Т. Огурцова занималась в литературной студии «Слово», которой руководил В. Молчанов. В 1999 году вышел её

поэтический сборник под названием «Лирика», а в 2004 году – ещё один сборник стихов «Из трёх тетрадей». В настоящее время публикуется в коллективных сборниках, журналах, местных областных и городских газетах.

Творчество Т. Огурцовой критики и читатели считают своеобразной лирической исповедью, в которой находят отражение мысли чувства автора, повествование о своей жизни.

Поэтический мир Т. Огурцовой – разноплановый, многоцветный, сложный. Но в первую очередь он нацелен на человеческую душу. Об этом говорит она в своих стихах:

*Какое счастье думать о душе.
Довольствоваться чёрным чёрствым хлебом.
Умыть лицо осенним синим небом,
Средь пашен стоя на сухой меже.*

*Так мало птиц у рощ и у лесов.
А у меня так мало сожалений
В день этот будний, солнечный, осенний,
Когда деревья сбросили покров.*

*Мороз на травы не шутя уже
Сегодня утром пал по-над дорогой.
Становится душа простой и строгой.
Какое счастье думать о душе.*

Язык поэтических текстов Т. Огурцовой отличается довольно активным словотворчеством. Авторские слова в БОльшей своей части представлены разнословными сложениями, которые часто выносятся поэтом в сильную позицию названия стихотворений.

Способ **разнословного сложения** активно «работает» в образовании **имён существительных**. В составных наименованиях Т. Огурцовой в роли актуализирующего компонента выступает узуальное слово с характеризующим значением, чаще – отрицательной коннотации, а в роли базового компонента используются:

- названия конкретных предметов, например:

Неспешно платье застегну,

*Спокойно волосы приглажу.
Не верю **зеркалу-вруну**,
Хоть честно возраст мой покажет. (Годовщина свадьбы);*

*Смог отпустить не желает, цепляется хмарью.
Но не испортить врагам моего настроения!
Город-завистник в отместку потом закошмарю -
Вставлю его в депрессивные стихотворения. (Дачное
воздухоплавание);*

*Свежевыпавший снег оскверняет дорог каракатица.
Предзакатное солнце глотает **злодей-небоскрёб**.
Горожан запирает в ловушки желанная пятница –
Над стремленьем прорваться на волю безжалостный стёб.
(Стокгольмский синдром);*

- природные явления, названия времён года, месяцев, например: **Осень-вредина** (название); *Длинную ночь провожает бессонница./ День - горький пасынок **мачехи-осени**,/ С бабой суровой не ладит и ссорится,/ Только от неба ждёт знаковой просины. (Мёртвый сезон); **Ноябрь-шулер** (название) и др.*

Разнословные сложения можно считать своеобразной чертой языковой личности поэта, который создаёт картину мира с помощью изобразительно-выразительных средств языка. Особый интерес представляют составные наименования, построенные на основе образных сравнений, например:

*Сегодня подобрел, задекабрел
Колючий парк под ворохом обновок.
Стать милой и приветливой готова,
Накинув шубку сверху **веток-стрел**,
Сухая верба. Мир пушисто-бел! (Сегодня подобрел, задекабрел...).*

Наличие в подобного рода поэтических сравнениях черт, которые характерны для разных русских регионов, свидетельствует о включённости сравнений изучаемого края в общерусское лингвокультурное пространство и в то же время – об определённых местных особенностях.

Предметы сравнения в разнословных сложениях могут выражать самые различные значения и относиться к разным тематическим группам. Так,

мягкие, пушистые облака сравниваются с периной, а тучи – с театральными кулисами:

*Плавню в нощь ускользает город
Сквозь меланж снегопадных нитей.
Лён **перин-облаков** распорот,
Пух с небес засыпает сити. (Снегопадное текстильное);*

*Весна не спешит - ждёт приветственных аплодисментов.
И **тучи-кулисы** скрывают волшебный софит. (Прима Весна).*

Подобного рода авторские слова, созданные на основе синергии значений узуальных слов, отражают индивидуальный тип поэтического мышления. Как правило, своей необычностью они определяют содержание всего произведения и в целом – идиостиль автора. Они не случайно могут занимать сильные позиции, выноситься в название стихотворения, ср.: «Осень-вредина»; «Золушка-столица»; «Собратьям-графоманам» и др.

В отдельных случаях разнословное сложение объединяет узуальные слова, близкие по значению, например:

*Займись мной всерьёз, ванна гидромассажная,
И думать забуду о главном и важном я.
Поддамся неистовым струйкам напористым -
Покинут меня все **нерадостии-горести!** (Займись мной, гидромассажная ванна!)*

Отмечены префиксально-суффиксальные образования, характеризующие определённые временные отрезки. Так, лексическое новообразование *межновогодье* обозначает отрезок времени между Новым и так называемым старым Новым годом:

*Чем хорошо в стране **межновогодье**?
Нет пробок в городах. Покой и снег.
Семейные прогулки на природе -
Как отдых от работы и коллег. (**Межновогодье**).*

Созданное поэтом слово вынесено в сильную позицию – в название стихотворения. Особо состояние природы и настроения человека в самом начале весны Т. Огурцова обозначает созданным ею словом *развесенье*:

Переоденем настроенье,

*И цвет у жизни станет новый.
Наметим в планах "развесенье" -
Конец поста зимы суровой! (Мы и весна).*

Продуктивность модели субстантивов с суффиксом -ост'- подтверждается лексическими новообразованиями, отмеченными в поэтических текстах исследуемого автора:

*Год обещал быть трудным. **Високосность**...
Вокруг твердили: «Все приметы к чёрту!
Лишь был бы мир, всё остальное – сносно!»
Но... продолжали бить соседу морду! (Антивоенное).*

Необычность авторского слова *неГость* состоит в том, что оно образовано не от прилагательного, а от существительного, что в общем не характерно для современного русского языка:

*Закрою холодный подвал одиночества.
Откину фамилию, имя и отчество.
Растаю в объятьях расслабленной **негости**.
Забуду о собственной голой нелепости. (Займись мной,
гидромассажная ванна!).*

Необычным представляется деминутив *летеце* в составе сочетания *бабье летице* (ср.: устойчивое сочетание *бабье лето*): *В сентябре бывает бабье летеце - / Лето долг последний отдаёт./ Дни, когда в неведомый полёт/ Улетают паутинки месяцев,/ Лет, десятилетий. Сброшен счёт!* (*Бабье летеце*). Очевидно, необычным словом автор стремился подчеркнуть непродолжительность этого временного отрезка (считается, что это время с 1 по 8 сентября), связанного с тёплой погодой, летающей лёгкой паутиной, предвещающей сухую осень. Обычно эта паутина ассоциируется с едва заметными седыми прядями волос у женщин, а время тёплых дней – с возрастом, который предшествует пожилому и характеризуется относительным расцветом. Звуковой ряд созданного слова позволяет соотносить его с созвучным *платьице*.

Наибольшим выразительным потенциалом обладают окказиональные образования, созданные с нарушением правил русского словообразования. Так, зафиксирован пример авторского слова, в котором объединяются названия зимних месяцев, причём названия первых двух месяцев зимы даются в усечённом виде: *Разливает день остатки света / В кружки, стопки, блюда фонарей./ Будем экономить запах лета/ Вплоть до дека-января-февралей.*

В названии одного из произведений отмечается способ сращения: «**Верькартинкамточкару**» (заголовок). Необычным представляется контаминированное образование **разговорот** (разговор + ворот) в следующем контексте:

*Это меня качает или качает город?
Или одни качели вместе качают нас?
Птицы болтливы в мае. Втянуты в **разговорот**
Свисты, рулады, трели - слышу обрывки фраз. (Закачательное).*

Окказиональные образования отличаются особой экспрессией, позволяют автору создать яркий словесно-художественный образ, репрезентируют субъективные представления автора об окружающем его мире.

Не меньший интерес представляют индивидуально-авторские слова – **имена прилагательные**, отмеченные в поэтических текстах Т. Огурцовой.

Наиболее многочисленна группа прилагательных, образованных способом **разнословного сложения**. В одно слово с дефисным написанием объединяются базовый компонент – имя прилагательное и актуализирующий компонент, выраженный наречием, например:

*Центр перекопан – ждёт пластику дама в летах,
В лёгком наркозе прекрасных иллюзий рекламных.
Не узнаю вид с открыток в знакомых местах,
Где обхожу **угловато-зловещие** рамы. (Июнь в столице);*

*Шёл по городу мопс престарелый,
Не борясь с притяженьем земли -*

Неуклюже-квадратное тело

Еле ноги кривые несли. (Шёл по городу мопс престарелый...).

Разнословные имена прилагательные, как правило, дают разноаспектную характеристику лица или предмета, например: *местечково-пышная (суета), причудливо-нарядное (платье), бесконечно-звёздный (купол), непроницаемо-надменный (потолок)* и др. Каждое из подобных слов отражает индивидуальный тип поэтического мышления, по-новому именуется известную читателю действительность, является уникальной вербальной версией представления окружающего мира.

Авторские имена прилагательные созданы **префиксальным способом**, причём наиболее активным является префикс *не-*, выражающий основное значение отрицания того, что представлено в производящей основе, например:

Нефилософскими ночами

Кого-то ищем ... Душу? Тело?

Весна глумливая над нами

Эксперименты ставит смело. (Весеннее сумбурное);

Некапустное (заголовок);

Невесеннее небо (заголовок).

Описать предчувствие счастья позволяет автору созданное префиксальное новообразование **«Околосчастливое»** (название стихотворения).

Отмечены единичные **префиксально-суффиксальные** авторские слова, например, слово ***бесшторное*** (*окно*) как символ больничной палаты: *И новый день встречает город -/ Разворошённый муравейник./ Но он тебя ещё не скоро/ Дождётся - ты надолго пленник/ Унылых стен, бесшторных окон.* (Больничное).

На основе производящего словосочетания *белый конь* создано сложное индивидуально-авторское слово *обелоконенные*:

Переполюшным звоном трелей.

Часы-будильник? Щебет птицы?..

*Пусть мне взмечтаются в апреле
Обелоконенные принцы...* (Весеннее сумбурное).

Особым текстообразующим потенциалом отличаются **окказиональные** образования, созданные с нарушением правил русского словопроизводства. Так, контаминантом является заголовок стихотворения – «Закачательное» как результат совмещения слов *закачать* + *замечательное*.

С помощью графического выделения буквы создаётся игра слов *дачное* и *удачное*, объединённых в одной номинации: *Минимум шмоток. И лучше – немаркого цвета. / Я выхожу из тяжёлой асфальтовой гавани./ За борт – и телик, и липкие сети Инета./ Я отправляюсь в уДачное воздухоплавание* (Дачное воздухоплавание).

Индивидуально-авторские **глаголы и наречия** в поэтических текстах Т. Огурцовой немногочисленны. Глаголы представлены **префиксально-суффиксальными** образованиями, например:

*Город-завистник в отместку потом закошмарю -
Вставлю его в депрессивные стихотворения.* (Дачное воздухоплавание);

*Сегодня подобрел, задекабрел
Колючий парк под ворохом обновок.* (Сегодня подобрел, задекабрел...).

Отмечены единичные **префиксальные** авторские глаголы:

*Переполошным звоном трелей.
Часы-будильник? Щебет птицы?..
Пусть мне **взмечтаются** в апреле
И кони белые, и принцы...* (Весеннее сумбурное).

Окказиональным способом **междусловного наложения** образован авторский глагол в следующем контексте: *Что подмешали к чаю? Виски? Коньяк? Конфету?/ Не доверяй кафешкам в мае, не доверяй!/. Видишь, я улетаю – **покрылесить** по свету./ Всё запишу на флешку – вдруг я увижу рай.* (Закачательное). Зд.: покуролесить + крылья – *покрылесить*.

Авторские **наречия** единичны, они образованы суффиксальным способом, основным деривационным формантом является суффикс *-о*:

*Коты орут **валерианно**,
Безя людей, едва уснувших.
А утро вскакивает рано,
Врываясь в форточки и уши.* (Весеннее сумбурное).

Таким образом, поэтические тексты Т. Огурцовой дают яркие примеры индивидуального словотворчества. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что наиболее многочисленные примеры лексических новообразований представлены именами существительными и прилагательными. В количественном отношении среди них преобладают разнословные сложения, созданные на основе синергии значений узуальных слов. Составные наименования отражают стремление поэта к созданию неординарных языковых образов, которые наиболее полно отражают поэтическую картину мира. Их необычная структура, совмещение смыслов в пределах одной языковой единицы предназначены для воздействия на читателя. Смысловая многоплановость разнословных сложений позволяет рассматривать такого рода слова как своеобразные минитексты, органично вплетённые в целостное словесно-художественное полотно.

2.3. Словотворчество Н. Дроздовой

Наталья Дроздова – современный белгородский поэт, член Союза писателей России и член Союза журналистов России.

Н. Дроздова родилась в 1958 году в селе Нежеголь Шебекинского района Белгородской области. С самого детства проявляла большой интерес к классической литературе. По её признанию, впервые начала писать стихи после посещения монастыря в селе Зимовенька Шебекинского района.

Н. Дроздова окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работала в газетах и книжных издательствах Белгородской области. Важным моментом в своей жизни считает знакомство с романом Б.

Пастернака «Доктор Живаго», после чего она серьёзно задумалась о роли духовности в своей жизни.

Встреча с отцом Сергием Ключко, который стал её духовным наставником, предопределила то, что духовная составляющая стала ведущей не только в творчестве, но и в жизни Н. Дроздовой. В течение ряда лет она активно сотрудничает с Марфо-Мариинским сестричеством милосердия.

Н. Дроздова является автором поэтических сборников «Три платья», «Стихи о ненаписанном романе», «Ожидание сына», «Под отчий кров» и др. Восьмая книга стихотворений «День пленэра» вышла в 2014 году.

Анализ стихотворений Н. Дроздовой сквозь призму словотворчества позволяет говорить о том, что создание авторских слов не является намеренным, однако отмеченные нами лексические новообразования отличаются необычностью, особым изобразительно-выразительным потенциалом и вполне органично вплетаются в ткань произведения.

Корпус авторских слов Н. Дроздовой свидетельствует о разнообразии словообразовательных моделей и деривационных средств. Первое место в количественном отношении принадлежит **именам существительным**. Среди них можно выделить особую группу **суффиксальных образований** с отвлеченным значением, производящей базой которых являются имена прилагательные, например: *Как росток сквозь асфальт пробивается истина / сквозь **приличности** и благоденствия твердь и шумит молодыми зелеными листьями...* (Как росток сквозь асфальт пробивается истина...); *Спасибо, снег, за радость обновления, / За **перепутанность** начала и конца / в твоём великолепном приземленьи* (Спасибо, снег, за радость обновления...).

Отмечена группа отглагольных **суффиксальных** существительных, с помощью которых автор передаёт особое состояние природы и человека, например: *Гром каблуков в переулке Озёрном. / Света **царенье** в примёрзших цветах* (Гром каблуков в переулке Озёрном...); *Последних цветов **отцветанье**. / Дымы. Придорожный шалман* (Последних цветов отцветанье...); *И всю себя, до камешка, раздам – / скучающим детишкам на*

игру, / несчастным на счастливое **бросанье**, / влюблённым на **стоянье** под часами... (Я – памятник себе...).

Среди зафиксированных имён существительных выделяется группа префиксально-суффиксальных слов, выражающих различные значения:

(1) определённого состояния, например:

И течет под ногами мир недольный.

И сжигает страх июльский зной.

*Я умру от скуки и **бездомья**
в сквере, на скамейке ледяной;*

(2) с пространственным значением, например:

*В **междурамье** непролитых слёз тишина.*

Нелюбовь здесь простительна. Только - не нам.

На обрывке земли нарисуй мне цветок!

Глядь... сугробы под самые окна. (Стрекоза)

Наиболее многогранные, разноплановые и яркие художественные образы созданы с помощью **сложных** лексических новообразований, например:

*Птица гордая кружит
в предзакатном оперенье.*

*И о **сотосотворенье**
пчёлка нежная жужжит. (Гений гения поймёт...).*

В таких словах препозитивный компонент, как правило, выступает в роли объекта и уточняет значение опорного компонента, он выражен основой узувального существительного или прилагательного:

*Сама себе пророк и **тайнозритель**,
я свой роман безвыходно люблю... (Сбежала. Как и прежде...).*

Зафиксированы антонимичные сложные авторские слова, которые созданы Н. Дроздовой по образцу узувального слова **четверостишье**:

*Лови поэзию на слове
пока поэт для счастья жив
пока цветут карандаши
на **чернотишья** бренном лоне
на **белостишья** смертном фоне*

в больничном пасмурном плафоне... (Лови поэзию на слове...).

Интересно, что в этом стихотворении автор не ставит пунктуационные знаки. Очевидно, это связано с тем, что читателю самому предоставляется возможность сделать необходимые акценты.

Один из наиболее продуктивных способов создания лексических новообразований Н. Дроздовой – это способ **разнословного сложения**. Обратил на себя внимание тот факт, что одним из компонентов в составных наименованиях является узуальное слово *мольберт*, которое можно считать особым знаком в творчестве поэта. Мольберт – подставка для подрамника с холстом, на котором художники пишут картину. Это место, где под кистью мастера творится и рождается воплощение его чувства, его мысли, его мироощущения, так же, как под пером художника слова рождается продукт его словесного творчества. Очевидно, не случайно последний сборник стихов называется «День пленэра». Н. Дроздова объединяет в одно два узуальных слова, наполненных для неё особым смыслом:

А жильё их нежилое.

А трава их зелена

На мольберте - аналое

та же самая война. (Плачьте, плачьте, анемоны...).

В стихотворении «он звал её – Весна...» в разнословные сложения объединяются три и даже четыре узуальных слова, привлекающие внимание читателя необычной формой и знаковой природой:

И чучело тех дней – мольберт-гитара-чётки –

до сей поры влачит своё житьё-бытьё

в заплёванном углу средь мебели ничейной;

Время солнцем залить этот пепел и тлен,

как того б ни чурался твой волхв-конокрад-селадон-эскулап...

Необходимо отметить, что в условиях авторского контекста употребление разнословных сложений являются своеобразным приёмом – описанием множества лиц и предметов, ср.:

*Ложки-поварёшки.
Тётушки-дядья.
Разносолы-вина.
Только он один –
маленький старинный
крестик на груди. (Закурился ладан)*

Особый интерес представляет авторское слово *белохолмье*, образованное сложносuffixальным способом. Это регионально маркированный компонент поэтического текста, который включает элемент *белый* (*Белгород* – белый город), отличающийся региональной спецификой в производных словах:

*Он плывёт ко мне на лодке, направляясь к белохолмью,
Где когда-то родилась я... (То ли прошлого свеченье...).*

Всё творчество Н. Дроздовой проникнуто искренней любовью к родине, к родным с детства местам. Эта проникновенная любовь наиболее остро чувствуется, когда поэт пишет о любимых белгородских уголках и использует при их описании **деминутивы**, например:

*Зимовенька, Зимовенька –
Травы тучные в пыли –
Золотая деревенька,
Сердцевиночка земли (Зимовенька, Зимовенька...).*

Отмечены и другие слова с уменьшительно-ласкательным значением, которые подчёркивают личностный характер того или иного поэтического текста, например:

*И сижу я в своей берложке,
скудной жизни смешная тварь,
и выдаиваю по ложке
скудный свой городской словарь. (Творчество);*

*И скрывает тупой мезозой
первомай белокрылого платица.
Цыганчонок чумазый босой
смотрит дико – чуть-чуть и расплается. (Росстань).*

Индивидуально-авторские **имена прилагательные** представлены в основном своём объёме сложными словами. Очевидно, это объясняется тем, что подобного рода слова позволяют наиболее ярко и многоаспектно характеризовать описываемые явления: *А жёлуди – как маки – / как маковки – горят / в **богохранимом** мраке / который век подряд* (Мой стих ему не пара...); *Иных племён **добропобедный** люд, / иных времён обещанные всходы* (Московской юбки шелест неземной...).

Как свидетельствует языковой материал, в качестве первого компонента в композитах-прилагательных может выступать актуализирующий компонент с количественным значением, например:

*В бесцветных пажитиях простор, покой и воля.
Жди не дождейся злой орды **тысячехвостой**.
А берег сир, а дождь свиреп, а ветер воет.
А в чьей- то комнате тепло и пахнет воском.* (В бесцветных пажитях...);

*...пока, скользя хвостом по родинкам- изъясам,
мильёнголовый гад куражится в крови...
Ползи и восходи – тоннелем Иоанна –
доучивай урок истории любви (Сочувствующий мрак...).*

Среди имён прилагательных выделяется довольно многочисленная группа разнословных сложений, в которых в качестве опорного компонента выступает прилагательное, а актуализирующим компонентом является объединённое с ним наречие, например: *Чужую и нечаянную мзду/ запивши коньяком, притворно – грустно/ **смирненно-партизанской** Беларусью/ «праход да паяздоу» себе найду* (Транзит); *И всё это – поэма об отце,/ одном, едином, царственном, любимом./ Но в царстве, так **уютно-нелюдимом**,/ нет места мне на солнечном крыльце.* (Рукопись).

В стихотворении «Этот кот, грядущий осторожно...» отмечен целый ряд прилагательных – разнословных сложений, которые можно считать текстообразующими компонентами, ср.: *Я уснула **горестно-ничтожной**. / Я*

проснулась радостно-великой; Я пришла задумчиво-неверной. / Я уйду доверчиво-счастливой.

Интересными представляются разнословные сложения – цветовые обозначения. Зафиксирован пример, включающий три компонента в составе сложения, причём первый компонент в этом составном наименовании обозначает не цвет, а форму-состояние:

В притворе стоять.

Безучастно.

Дрожать от озноба,

*в покой погружаясь **кружавчато-розово-синий**.* (В притворе).

Необычный цветовой образ создаётся разнословным сложением *снежно-голубой* (не белоснежный, не нежно-голубой, а именно *снежно-голубой*):

Привезу тебе младенчика

*в люльке **снежно-голубой**.*

Я всё та же – не тебе ль чета:

вкривь да вкось да вразной. (Снова август).

В современном русском языке активность проявляет препозитивный формант *недо-*, выражающий значение «не доведённый до конца». В поэтических текстах Н. Дроздовой также отмечены слова с данным формантом, причём он может присоединяться к сложным и префиксальным словам:

В этой Безлюдовке, в этой Москве,

*в этом кино **недополноэкранном**...* («Зябкой провинции солнечный гнёт...»);

*... **Недоиспепелённый***

и сладко одержим

мелодией, влюблённой

в космический режим («Новая старая песня»);

Не оставь меня в напасти

***недовыплаканной** страсти* («Так случилось...»).

Новообразований-глаголов отмечено не много. В основной своей части это **разнословные сложения**, созданные в соответствии с фольклорными традициями, например:

*Что, печальный мой стих?
Где **бывал-горевал**... (Не слушай);*

*Колыбельно-карусельно
Зазвонила-зазвала (Зимовенька, Зимовенька...).*

Глагольные компоненты таких составных наименований конкретизируют описываемые в стихотворениях действия.

Продуктивным в образовании глаголов можно считать **суффиксальный способ**, например:

*Снова детство **вечерит** в ветвях
синим сумраком, птицей тревожною,
и конвоя чахоточный страх
пресмыкается вошью подкожною. (Росстань);*

*И Николай, не уставший от вечности,
в образе новом своём **чудотворствует**. (Музыка).*

Отмеченные авторские **наречия** образованы в основном **суффиксальным** способом. В качестве деривационного форманта, как правило, выступает суффикс **-о**, например:

*Гремит **пластмассово** посуда,
нектаром терпким налита.
А в мире **торг** и **суета**
и личным делом занят каждый. (Утро туманное);*

Необычный художественный образ создаётся с помощью авторского слова **лебедино**:

*Облака витиеваты, из страны твоих каникул
выплывают **лебедино**, а за ними вся Москва.
На Сиреневом бульваре созревает земляника.
А под яблоней воскресной закипает самовар. (Открывают дети краски).*

Единичные наречия созданы способом **разнословного сложения**, например: ***Колыбельно-карусельно*** зазвонила-зазвала («Зимовенька, Зимовенька...»).

Отмечено авторское слово **категории состояния**:

Число обломов приблизилось к ста процентам.

Смешно и скучно. День. Но пока не завтра.

*Светло и грозно. Но как-то **люминесцентно**.*

Взорвать бы спичку. Да где раздобыть азарта? (Пока не завтра)

Таким образом, поэтические тексты Н. Дроздовой предоставляют читателю и исследователю яркие примеры словотворчества. Созданные поэтом слова выявляют творческую индивидуальность автора, его особое мировидение.

Наиболее разнообразные словообразовательные модели и деривационные средства демонстрируют имена существительные. Авторские субстантивы образованы суффиксальным, суффиксально-префиксальным способами, а также сложением и способом разнословного сложения.

Имена прилагательные, отмеченные в поэтических текстах Н. Дроздовой, представлены в основной своей части сложными словами и разнословными сложениями. В подобного рода словах в наибольшей степени отражается стремление автора к созданию нестандартных художественных образов.

Индивидуально-авторские глаголы и наречия не столь многочисленны в стихотворениях Н. Дроздовой, однако их создание также подчинено общей идее реализации авторского замысла. В целом созданные автором слова являются составляющими его идиостиля и отражают индивидуальный тип поэтического мышления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэтический язык определяется исследователями как особая система средств художественного мышления и эстетического освоения действительности. Основу поэтического текста составляет СЛОВО, которое нельзя рассматривать только как чисто логический знак: оно отличается многообразием смысловых оттенков, особым изобразительно-выразительным потенциалом, отражает индивидуальный тип мышления того или иного автора.

Между обычным языком и языком поэтическим отмечается функциональное различие, которое заключается в том, что для первого основной является коммуникативная функция, направленная на успешное общение, а для второго – эстетическая функция, которая детерминирована необходимостью создания ярких словесных образов, отражающих поэтическую картину автора.

Поэтический текст – организованная система, которая образована взаимосвязанными элементами, выступающими в его пределах как единое целое: это интонация, особый ритмический строй, звуковой образ, грамматические формы, синтаксические построения. Каждый из перечисленных элементов в свою очередь испытывает влияние этой системы,

в результате слово наполняется новым смыслом, предстаёт перед читателем в своём новом качестве.

Стремление к максимальному использованию выразительных возможностей слова приводит авторов к созданию лексических новообразований, с помощью которых поэт создаёт свежий словесный образ, отражающий специфическое видение мира. Анализ языковых особенностей поэтических текстов белгородских авторов выявил многообразие авторских средств, которые позволяют передать реальные картины Белгородчины и в то же время отражают индивидуальный тип поэтического мышления отдельного автора. При этом учитывается, что дискурсивно-региональное пространство образуется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими знаниями, которые в целом создают целостный облик дискурсивного пространства белгородского поэтического словотворчества.

Региональный язык, как отмечают исследователи, это неоднородная языковая система. Его основу составляет общенациональная форма языка, на которую определённое влияние оказывают диалекты, жаргоны, социолекты, городское и сельское просторечие, контактирующие языки и др. регионально маркированная лексика представлена в поэтических текстах поэтов-белгородцев. Так, региональными можно считать слова *белый, чернозём*, а также словосочетания, включающие данные слова и их производные, например: *белый – белый город, белые горы, белые холмы, белые дали; Белогорье, белохолмье; чернозём – чернозёмная вязь, чернозёмная пашня; черноземье, черноземистый*.

В поэтических текстах зафиксированы многочисленные топонимы, которые вызывают особый интерес, так как за каждым из названий стоит история региона, его прошлое и настоящее.

Многообразие поэтических жанров, отличающее творчество белгородских поэтов, создаёт особую конфигурацию дискурсивного поэтического пространства Белогорья. Определённая роль в нём

принадлежит лексическим новообразованиям, создающим своеобразие региональной поэтической картины мира. Общий анализ зафиксированных авторских слов выявляет следующие её особенности:

- в количественном отношении преобладают имена существительные, среди которых в первую очередь выделяется группа разнословных сложений;
- особую группу составляют отвлечённые субстантивы, образованные сложносuffиксальным способом;
- разнообразием деривационных моделей отличаются имена прилагательные, среди которых отмечены композиты (разнословные сложения и сложносuffиксальные слова);
- новообразования-глаголы также представлены разнословными сложениями, отмечены и suffиксальные глагольные образования;
- индивидуально-авторские наречия немногочисленны, продуктивным способом их образования является suffиксальный способ;
- особым изобразительно-выразительным потенциалом отличаются окказиональные образования, созданные с нарушением правил русского словообразования, к ним прежде всего относятся слова, образованные способом редеривации, дефисации, капитализации;
- доминантой регионального поэтического словотворчества можно считать разнословные сложения, отмеченные нами в составе основных знаменательных частей речи, например: *В июльском чаду Подмосковья, / в шоссейных соцветьях судьбы/ легко разминуться с тоскою,/ презреть неуклюжий свой быт,/ друзей-мифотворцев идеи, пикник в чернозёмной дали...* (Н. Дроздова).

Словотворчество отдельных белгородских поэтов характеризуется своей спецификой. Так, проведённый анализ авторских слов В. Молчанова свидетельствует о том, что созданные автором слова отличаются самой разнообразной деривационной структурой. Наиболее многочисленны разнословные сложения, представленные среди имён существительных, прилагательных и наречий. Это можно объяснить компактной структурой

данных слов, их семантической ёмкостью и изобразительно-выразительным потенциалом: *Любовь к Отечеству!.. У нас она/ Бывает беззаветно-беспримерной,/ Высокой, словно солнце и луна,/ Прекрасной, как урока тишина/ перед большой и шумной переменой.* (Присяга).

Индивидуально-авторские существительные В. Молчанова представлены также словами с различного рода препозитивными формантами и суффиксальными образованиями. Имена прилагательные созданы префиксальным способом. Зафиксированные наречия образованы способом разнословного сложения и суффиксальным способом.

Яркие примеры индивидуального словотворчества представлены в поэтических текстах Т. Огурцовой. Наиболее многочисленны авторские слова – существительные и прилагательные, среди которых преобладают разнословные сложения. Подобного рода слова отражают стремление автора к созданию необычных словесных образов, ярко отражающих поэтическую картину мира. Их смысловая многоплановость позволяет рассматривать составные наименования как своеобразные минитексты, вплетённые в целостное словесно-художественное полотно: *Плавню в ночь ускользает город/ Сквозь меланж снегопадных нитей./ Лён перин-облаков распорот,/ Пух с небес засыпает сити.* (Снегопадное текстильное).

Разнообразные словообразовательные модели и деривационные средства демонстрируют субстантивы, отмеченные в поэтических текстах Н. Дроздовой. Среди авторских имён существительных представлены суффиксальные, префиксально-суффиксальные образования и композиты, созданные способом сложения. Зафиксированные авторские прилагательные наиболее ярко отражают стремление автора к созданию оригинальных художественных образов: *Чужую и нечаянную мзду/ запивши коньяком, притворно грустно/ смиренно-партизанской Беларусью/ «праход да паязду» себе найду.* (Транзит).

Созданные белгородскими поэтами слова подчинены общей идее реализации авторского замысла. Анализ позволяет заключить, что они

являются составляющими идиостиля художников слова и отражают индивидуальный тип поэтического мышления. Необычность неустойчивых слов с точки зрения структуры и семантики оказывает воздействие на читателя, привлекает его внимание, побуждает к сопереживанию.

Созданные слова представляют особую важность, так как в них находят отражение особенности индивидуального мышления, мировосприятия поэтов, а в целом – *специфика культуры нашего региона*.

Представляется необходимым и важным дальнейшее изучение специфики словотворчества белгородских авторов, так как в мировосприятии того или иного поэта отражается духовное своеобразие этноса. Определённую роль в его изучении может сыграть словарь лексических новообразований белгородских поэтов, создание которого запланировано на ближайшую перспективу.

Список использованной литературы

1. Александрова, О.И. Русское поэтическое словотворчество / О.И. Александрова // Традиции и новаторство в поэтическом языке. – Т. 218. – Куйбышев, 1978. – С. 3-73.
2. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая картина мира и её отражение в языковом знаке / Н.Ф. Алефиренко // Художественный текст и языковая личность: Материалы IV Всероссийской науч. конф. – Томск: ЦНТИ, 2005. – С. 67-72.
3. Арутюнова, Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1961. – 234 с.
4. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 496 с.
5. Бабенко, Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учеб. пособие / Н.Г. Бабенко. – Калининград: Калининградский университет, 1997. – 81 с.
6. Бакина, М.А. Новообразования в современной поэзии / М.А. Бакина // Русская речь. – 1975. – № 2 – С. 67-74.
7. Бахтин, М.М. Слово в поэзии и прозе / М. Бахтин // Вопросы литературы. – 1972. – № 6. – С. 55-85.
8. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1993. – 445 с.

9. Бахтин, М.М. К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Собр. соч. в 7 т. Т. 5. – Москва, 1996.
10. Бобохидзе, Н.Г. Ответственность художника и словотворчество (на материале русской литературы XX века) / Н.Г. Бобохидзе, А.А. Чикваидзе // Семиозис и культура. Вып. 4: Сб. научн. ст. по материалам V Международной конференции «Семиозис и культура: методологические проблемы современного гуманитарного знания» (17-18 апреля 2008 г.). – Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2008. – С. 93-97.
11. Богусловская В.В. Художественный и журналистский текст в аспекте функционально-семантических категорий / В.В. Богусловская, Н.В. Малычева // Русский язык: исторические судьбы и современность/Международный конгресс русистов-исследователей. Труды и материалы. – М., 2001. – С. 124-125.
12. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и коммуникативный анализ единиц лексического уровня / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томского университета, 1992. – 309 с.
13. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: Учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2006. – 431 с.
14. Брайнина, Т.Д. Ассоциативные связи слова как основа создания образа в произведениях Саши Соколова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Д. Брайнина. – Москва, 2006. – 24 с.
15. Брагина, А.А. Неологизмы в русском языке / А.А. Брагина. – Москва: Наука, 1973. – 224 с.
16. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие / Н.С. Валгина. – Москва: Логос, 2001. – 301 с.
17. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
18. Виноградов, В.В. Стиль Пушкина / В.В. Виноградов. – Москва: Наука, 1959. – 704 с.

19. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 256 с.
20. Винокур, Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – Москва: наука, 1959. – 451 с.
21. Винокур, Г.О. Маяковский – новатор языка / Предисл. Н.А. Фатеевой / Г.О. Винокур. – 2-е изд., стереотип. – Москва: КомКнига, 2006. – 152 с.
22. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы: учеб. пособие для филол. вузов / Г.О. Винокур. – Москва: Высшая школа, 1991. – 448 с.
23. Габинская, О.А. Типология причин словотворчества / О.А. Габинская – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. – 153 с.
24. Гаспаров, М.Л. Избранные труды. – Т. 2. О стихах / М.Л. Гаспаров. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 504 с.
25. Гаспаров, М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики / М.Л. Гаспаров. – Санкт-Петербург: Азбука, 2001. – 480 с.
26. Гаспаров, М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях: учеб. пособие. – Москва: КД Университет, 2004. – 272 с.
27. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – Москва: Интрада, 1997. – 416 с.
28. Головачева, О.А. Окказионализмы в идиолекте Н.С. Лескова: модели и способы создания, функции слов признаковой лексики: дисс. ...канд. филол. наук / О.А. Головачева. – Брянск, 2001. – 232 с.
29. Григорьев, В.П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / В.П. Григорьев. – Москва: Наука, 1979. – 343 с.
30. Григорьев, В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта / В.П. Григорьев. – Москва: Наука, 1986. – 256 с.
31. Журавлев, А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А.Ф. Журавлев // Способы номинации в современном русском языке. – Москва: Наука, 1982. – С. 45-109.

32. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. Изд-е 4-е. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
33. Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Москва, 2000. – С. 46-78.
34. Земская, Е.А. Новое в лексике – новое в словообразовании / Е.А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 70-летию профессора А.Н. Тихонова. – Елец, 2001. – С. 68-105.
35. Zubova, L.V. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л.В. Zubova. – Москва: Новое литературное обозрение, 2000. – 432 с.
36. Изотов, В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования. Монография / В.П. Изотов. – Орел: Орловский гос. ун-т, 1998. – 149 с.
37. Ильясова, С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы/ С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – М., 2009. – 296 с.
38. Какорина, Е.В. Активные процессы в языке средств массовой информации / Е.В. Какорина // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI вв. – Москва, 2008. – С. 495-547.
39. Катлинская, Л.П. Живые способы создания русских слов / Л.П. Катлинская. – Москва, 1995. – 203 с.
40. Ковтунова, И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учеб. пособие. для студентов пед. ин-тов по спец-ти «Рус. яз. и литература». – Москва: Просвещение, 1976. – 239 с.
41. Котелова, Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н.З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 5-26.

42. Кошарная, С.А. Концепт «Судьба» в поэзии В. Высоцкого и Н. Гладких / С.А. Кошарная // Academic science – problems and achievements. – USA: CreateSpace, 2013. – С. 216-220.
43. Кошарная, С.А. От Пушкина до наших дней / С.А. Кошарная // Русское слово в контексте этнокультуры XX-XXI вв. Сборник научных трудов по итогам II Международной заочной научной конференции. – Старый Оскол, 2013. – С.104-110.
44. Кошарная, С.А. Образ русского человека в поэзии Николая Гладких / С.А. Кошарная // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 10-14 сентября 2015 г. – Славянск-на-Кубани, филиал Кубанского госуниверситета, 2015. – С. 198-202.
45. Красникова, И.Р. Прагматика окказиональных антрополоксем в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / И.Р. Красникова. – Ростов н/Д, 2004. – 153 с.
46. Лопатин, В.В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования / В.В. Лопатин. – Москва: Наука, 1973. – 152 с.
47. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. / Ю.М. Лотман. – Москва: Искусство, 1970. – 384 с.
48. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство – Санкт-Петербург, 1996. – 848 с.
49. Лукин, В.А. Художественный текст: основы теории и элементы анализа. / В.А. Лукин. – Москва: Ось-89, 1999. – 192 с.
50. Лыков, А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А.Г. Лыков. – Москва: Высшая школа, 1976. – 120 с.
51. Маслова, В.А. Русская поэзия XX в. Лингвокультурологический взгляд: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Москва: Высш. школа, 2006. – 256 с.
52. Маслова, В.А. Региональная лингвистика: проблемы и перспективы // Филологические науки, 2015. – № 6. – С. 3-8.

53. Моисеев, А.И. Словообразование современного русского языка: учебное пособие / А.И. Моисеев. – Ленинград: Ленинградский ун-т, 1985. – 90 с.
54. Морозов, Д.О. Лингвокреативная способность языковой поэтической личности: процессы неологизации в русской поэзии XX века (на материале творчества В. В. Хлебникова, А. Е. Крученых, А. А. Вознесенского и Г. В. Сапгира): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.О. Морозов. – Екатеринбург, 2009. – 20 с.
55. Мукаржовский, Я. Эстетическая функция, норма и ценность. / Я. Мукаржовский // Исследования по эстетике и теории искусства. – Москва: Искусство, 1994. – С. 55-56.
56. Намитокова, Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р.Ю. Намитокова. – Ростов на Дону, 1986. – 160 с.
57. Намитокова, Р.Ю. Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко / Р.Ю. Намитокова, И.А. Нефляшева. – Майкоп: ООО «Качество», 2009. – 304 с.
58. Намитокова, Р.Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины XX века) / Р.Ю. Намитокова. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. – 359 с.
59. Нарынская, М.Ю. Структурно-семантические особенности окказионализмов в идиолекте М. Цветаевой: дис. ...канд. филол. наук / М.Ю. Нарынская. – Ростов-на-Дону, 2004. – 216 с.
60. Немченко, В.Н. Современный русский язык: словообразование / В.Н. Немченко. – Москва: Высшая школа, 1984. – 253 с.
61. Паршина, И.Г. Регионально-маркированные сравнения в когнитивно-коммуникативном аспекте (на материале словесного творчества поэтов Белгородчины) / И.Г. Паршина // Живое слово: фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 2. – Волгоград, 2009. – С. 57- 60.
62. Паршина, И.Г. Сравнение как дискурсивно-стилистическая фигура региональной когнитивной поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Г. Паршина. – Белгород, 2012. – 25 с.

63. Плотникова, Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. Монография / Л.И. Плотникова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. – 224 с.
64. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности / Л.И. Плотникова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 332 с.
65. Попова, Т.В. Неология и неография современного русского языка: учеб. пособие / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава. – Москва: Флинта: Наука, 2005. – 168 с.
66. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика. / А.А. Потебня. – Москва: Искусство, 1976. – 321 с.
67. Рацибурская, Л.В. Специфика современного медийного словотворчества / Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова. – Нижний Новгород, 2003. – 130 с.
68. Ревзина, О. Г. Поэтика окказионального слова / О.Г. Ревзина // Язык как творчество. Сб. статей к 70-летию В.П. Григорьева. – Москва: ИРЯ РАН, 1996. – С. 303-308.
69. Сенько, Е.В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект: монография / Е.В. Сенько. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 354 с.
70. Славинский, Я. К теории поэтического языка. / Я. Славинский // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей. – Москва: Прогресс, 1975. – С. 256-277.
71. Супрун, Е.А. Лекции по теории речевой деятельности: пособие для студентов филол. фак-тов вузов / Е.А. Супрун. – Минск: Бел. Фонд Сороса, 1996. – 287 с.
72. Тарановский, К.С. О поэзии и поэтике / К.С. Тарановский. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 432 с.
73. Тимашова, Ж.Е. Индивидуально-авторские новообразования в поэтической речи символистов (на материале произведений А. Белого и В. Иванова): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ж.Е. Тимашова. – Белгород, 2011. – 24 с.

74. Титова, М.В. Семантика и поэтическая функция окказиональных слов: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Титова. – Челябинск, 2006. – 187 с.
75. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика. / Б.В. Томашевский. – Москва, 1999. – 246 с.
76. Улуханов, И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы / И.С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1984. – №1. – С. 44-50.
77. Улуханов, И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С. Улуханов. – Москва, 1996. – 221с.
78. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. 2-е изд / И.С. Улуханов. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
79. Фельдман, Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. / Н.И. Фельдман. – 1957. – №4. – С.15-18.
80. Филин, Ф.П. Проект «Словаря русских говоров». / Ф.П. Филин. – Москва – Ленинград, 1961. – 221 с.
81. Фомина, Л.Н. Типы и функции новообразований в поэзии эгофутуристов: дисс. ... канд. филол. наук / Л.Н. Фомина. – Москва, 2005. – 247 с.
82. Халявина, Д.В. Лексические новообразования в идиолекте В. Каменского / Д.В. Халявина // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы ЮФУ, 2009. – № 4. – С. 122-125.
83. Халявина, Д.В. Индивидуально-авторские новообразования в идиолекте В. Каменского: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.В. Халявина. – Белгород, 2011. – 23 с.
84. Чумак-Жунь, И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVII – начала XXI веков: моногр. / И.И. Чумак-Жунь. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 244 с.
85. Чумак-Жунь, И.И. От фразеологизма к прецеденту: эволюция словесного образа в поэтическом дискурсе / И.И. Чумак-Жунь // Фразеология в языковой

картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сборник научных трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. – С 229-233.

86. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию /Н.М. Шанский. – Москва: МГУ, 1968. – 267 с.

87. Шанский, Н.М. Современный русский язык / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. – Москва, 1982. – 304 с.

88. Эйхенбаум, Б.М. О литературе (Работы разных лет) / Б.М. Эйхенбаум. – Москва: Наука, 1987. – 447 с.

89. Эпштейн, М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Системы пейзажных образов в русской поэзии / М.Н. Эпштейн. – Москва: Высшая школа, 1990. – 303 с.

90. Якобсон, Р. Работы по поэтике: Переводы / Р. Якобсон. – Москва: Прогресс, 1987. – 464 с.

91. Якубинский, Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование / Л.П. Якубинский. – Москва: Наука, 1986. – 208 с.

92. Sornig, K. Lexical Innovation: Study of slang, Colloquialisms Casual Speech / K. Sornig. – Amsterdam: Benjamins, 1981. – Vol.VI. – 117 p.

Словари

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов: словарь / О.С. Ахманова. – Москва: Сов. энциклопедия, 1969.

2. Большой толковый словарь русского языка: словарь / Под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998 (БТС).

3. Квятковский, А. Поэтический словарь / А. Квятковский. – Москва: Советская энциклопедия, 1966.

4. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – Москва: Наука, 1989.

5. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Сов. Энциклопедия, 1990.

6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – Москва: НПК «Интелвак», 2003.
7. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 77 / Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Просвещение, 1980.
8. Новые слова и словари новых слов. – Ленинград: Наука, 1978.
9. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: словарь / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва: Азбуковник, 1999.
10. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: словарь / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – Москва: Просвещение. – 1976 (СЛТ).
11. Русская грамматика. В 2-х т. – Т. 1. – Москва: Наука, 1980 (РГ 80).
12. Словарь языка русской поэзии XX в. Т. I: А-В / Сост. Григорьев В.П., Шестакова Л.Л., Бакеркина В.В., Гик А.В., Колодяжная Л.И., Фатеева Н.А. – Москва: Языки славянской культуры, 2001.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва: Флинта, 2003.
14. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов – Москва: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003.
15. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва, 1998.

Источники

1. Дроздова, Н.В. Ожидание сына. / Н.В. Дроздова. – Белгород: Крестьянское дело, 2003. – 64 с.
2. Дроздова, Н.В. Под отчий кров: лирика. / Н.В. Дроздова. – Белгород: Белгородская областная типография, 2008. – 152 с.
3. Дроздова, Н.В. День пленэра. / Н.В. Дроздова. – Белгород: Крестьянское дело, 2015. – 170 с.
4. Кичигина, В. Утоление жажды. Стихи. / В. Кичигина. – Харьков, 2017. – 152 с.

5. Молчанов, В.Е. Подснежники. Стихи. Поэмы. Переводы. / В.Е. Молчанов. – Белгород: «Везелица», 1992. – 320 с.
6. Молчанов, В.Е. Звени, осенняя строка...: Стихотворения / В.Е. Молчанов. – Белгород: Константа, 2007. – 352 с.
7. Молчанов, В.Е. Стихотворения и поэмы. / В.Е. Молчанов. – Белгород: Крестьянское дело, 2002. – 384 с.
8. Огурцова, Т. Лирика / Т. Огурцова. – Белгород, 1999.
9. Огурцова, Т.В. Из трёх тетрадей / Т.В. Огурцова. – Белгород: Константа, 2004. – 107 с.
10. Филатов, А. Огни зовущие: Стихи. / А. Филатов. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1980. – 79 с.
11. Филатов, А. Я воскресну в травах спелых: Избранное. / А. Филатов. – Белгород: Издат. дом «Шаповалов», 1997. – 272 с.
12. Харченко, В.К. «Я буду Вас ценить и целовать...». 102 стихотворения о славе, смерти и любви. / В.К. Харченко. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2001. – 128 с.
13. В.Н. Черкесов. Гусиным пером. Стихотворения и поэмы. – Белгород: Крестьянское дело. 2003 – 256 с.
14. Чернухин, И.А. Город надежды: книга стихов. / И.А. Чернухин. – Белгород: ОАО «Белгородская областная типография». 2006 – 320 с.
15. Чернухин, И.А. Стихотворения. Баллады. Поэмы. / И.А. Чернухин. – Белгород: Отчий край. 2003 – 444 с.
16. Яснова, Л. Детерминизм гендера, или Исповедь лирической героини. Опыт стихотерапии. / Л. Яснова. – Белгород: ИПЦ «Политерра», 2011. – 295 с.
17. Яснова, Л. Личное дело: стихи. /Л. Яснова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. – 120 с.